

В настоящее время в советской и зарубежной лингвистике большое внимание уделяется исследованию различных языковых средств, которым присуща повышенная эмоциональность, доминирующая над интеллектуальным аспектом содержания. По мнению Ш. Балли [3], эмоциональная и интеллектуальная стороны соединены в мышлении в различных пропорциях. Однако в лингвистике существует точка зрения, что в широком смысле все, что говорит человек, в той или иной степени эмоционально окрашено; можно говорить лишь о различной степени эмоциональной насыщенности высказывания. Поэтому понятен пристальный интерес к проблеме эмоционального компонента мышления и его выражения в различных аспектах человеческой деятельности, в том числе и в речи, со стороны широкого круга специалистов: психологов, социологов, философов, лингвистов.

Для специалистов в области психологии и психолингвистики большой интерес представляет, например, монография Э. Л. Носенко [6], в которой проанализирован целый комплекс изменений, происходящих в речи человека при возникновении у него состояния эмоциональной напряженности. Эти изменения, в том числе специфика грамматического оформления высказывания, представлены в одном из разделов монографии. Ряд лингвистов занимаются вопросами эмотивной стилистики текста. В. И. Болотов [5], например, избрал психолингвистическое и социолингвистическое направления. Отмечая актуальность этой проблемы, Н. Н. Раевская [8] считает, что эстетическая (образная) информация может передаваться грамматическими, в частности видовременными, формами так же успешно, как и словесными тропами. В разработку проблемы эмотивности / экспрессивности вносят свой вклад и лингвисты, работающие в области коммуникативно-прагматической типологии предложений. Они формулируют точку зрения, согласно которой экспрессивность связана с усилением коммуникативного намерения говорящего. Рассматривая предложение в семантическом аспекте, А. А. Прокопчук [7] предлагает разделить все речевые образования на две группы по способу выражения эмотивных значений. Если эмотивное значение не конкретизируется с помощью лексических средств, но эмоциональная реакция говорящего осознается им и выражается языковыми средствами, то такой способ назван имплицитным. Он напоминает грамматический, т. е. морфологический способ выражения отвлеченных значений, так как морфологические средства лишь сигнализируют об определенных отношениях. Если характер эмоциональной реакции называется с помощью лексических единиц, то он определяется как эксплицитный (лексический), связанный с осмыслением этих отношений и их наименованием. В статье автор сосредоточивает внимание на разновидностях и особенностях предложений с эксплицитно выраженным эмотивным значением.

В различных работах по проблеме экспрессивности отсутствуют общепринятые определения терминов «экспрессивность» и «эмоциональность». Это отражает объективное положение вещей: не выяснено соотношение составляющих аффективного фактора речи (экспрессивности, эмоциональности, образности); не определена однозначно их принадлежность к языку или речи; не всегда и не в полную меру учитываются языковые уровни при разграничении экспрессивности и эмоциональности. Обзор точек зрения находим в монографии Э. А. Трофимовой [9], которая отмечает, что выявлены объемные соотношения между экспрессивностью и эмоциональностью (экспрессия — более широкое понятие, подчиняющее себе эмоциональность); выдвинута концепция о несопоставимости этих понятий; имеет место неразграничение понятий «экспрессивность» и «эмоциональность»; понятия разграничиваются по линии язык — речь. Эмоциональность считают свойством системы, а экспрессивность — результатом функционирования элементов системы. Э. А. Трофимова принимает последнюю точку зрения и развивает ее в том смысле, что разграничение экспрессивности и эмоциональности по линии язык — речь должно идти с учетом языковых уровней. Опираясь на выводы исследователей лексики, автор считает, что на лексическом уровне сема эмоциональности является одним из компонентов семантической структуры слова, выявляемым на фоне сопоставления с нейтральной лексикой, поэтому следует рассматривать эмоциональность как составную часть языковой системы. Экспрессивность как усиление выразительности возникает на уровне синтаксиса и передается структурными средствами. При таком подходе не все точки зрения оказываются верными. Эмоциональность не может быть составной частью экспрессивности, ибо это вообще несопоставимые понятия. Экспрессивность — усиление выразительности и интеллектуального и эмоционального, а эмоциональность — выражение конкретных качественно различных чувств. Кроме того, неправомерным оказывается употребление терминов «эмотивные предложения», «эмоциональные конструкции», так как переносится название с лексического уровня на синтаксический. Считая экспрессивность явлением, которое проявляется исключительно на синтаксическом уровне, Э. А. Трофимова определяет ее как структурную реакцию синтаксиса на наличие или отсутствие эмоций или различную степень их выраженности. Мы считаем, что это определение обладает ограниченной объяснительной силой, так как не учитывает выражение экспрессии на морфологическом уровне. Отмечая явление экспрессии, Н. Н. Раевская [3, с. 121—122] считает, что ее можно выразить категориально в маркированных парадигматических формах с глаголами-интенсификаторами *do* и *go*. Наличие экспрессивности на морфологическом уровне имплицировано и у А. С. Бархударова [4, с. 148].

Возможна диаметрально противоположная соотношенность экспрессивность / эмоциональность членам дихотомии язык / речь.

В. И. Болотов [5] пытается теоретически обосновать способность языка как знаковой системы постоянно порождать экспрессивные единицы. Поясним это таким примером. Знак и значение не всегда находятся в полном соответствии друг к другу. Область означаемого «медведь» пересекает область означаемого «неуклюжий человек», и на этом основании возникает возможность употребить слово «медведь» для экспрессивной характеристики такого человека. Так, в ряду синонимов, описывающих означаемое «неуклюжий человек», появился окказиональный синоним «медведь», который в определенном речевом контексте служит экспрессивным средством. Развивая эту идею, В. И. Болотов оперирует понятием норма (5, с. 131) и подчеркивает, что всякое нарушение лингвистических норм в тексте может стать источником эмоционального воздействия при условии, что языковая вариативность нормы замечена адресатом. В главе, посвященной речевым средствам эмоционального воздействия текста, автор описывает появление эмоциональной информации в силу, например, комбинирования несовместимых десигнатов типа *tipsy table*, *talkative glass* или нарушения норм сочетаемости деривационных морфем и появление слов типа *hideola*, *neglectment*, *exclusivest*.

Итак, явление экспрессии допускает трактовку с разных позиций, и для анализа берутся разные формы и выражения. Поэтому для выработки однозначных понятий определений «экспрессивность» и «эмоциональность» необходимы дальнейшие целенаправленные исследования.

В нашем исследовании будем придерживаться точки зрения тех лингвистов, которые считают, что эмоциональность относится к выражению чувств, настроений, субъективного отношения [2], что она произвольна и непреднамеренна [1], представляет собой чувственную реакцию на текст [5] и реализуется в речи путем эксплицитного выражения чувств лексическими средствами [7]. А экспрессивность — внутренне присущее данному слову / выражению, как элементу языка, свойство передавать выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной [2]. Это потенциальная возможность знака усиливать предметно-логическую и стилистическую информацию знака [5], что экспрессивность всегда специально задана и определенные экспрессивные средства используются преднамеренно, а это предполагает наличие данных средств в языке в готовом виде [1].

Относя экспрессивность к языку, мы подчеркиваем, что средства ее выражения специфичны для каждого уровня. Выражение экспрессии на фонетическом уровне рассматривается в ряде экспериментально-фонетических исследований, авторы которых анализируют интонацию, изменение ритма и темпа речи, долготы звучания фонемы, ненормативное употребление фонемы, логическое и эмфатическое ударение. На лексико-семантическом уровне вопросами эмоционально-экспрессивных значений занимались многие исследователи. Проблема экспрессии на этом уровне снимается

одними лингвистами в силу того, что, по их мнению, на лексическом уровне можно говорить только об эмоциональности, выражаемой одним из компонентов семантической структуры слова, причем этот компонент обозначает определенное чувство. Другие лингвисты рассматривают ненормативное комбинирование лексически несовместимых десигнатов или окказиональное употребление слов. При этом имеет место выражение экспрессии. Наиболее обширны исследования экспрессивных средств на синтаксическом уровне. Наличие экспрессии на данном уровне признается единодушно, и нет большого расхождения мнений, что выражается она инвертированным порядком слов, парцелляцией, редупликацией, номинализацией личных форм глагола, эллипсисом. На гиперсинтаксическом уровне (в рамках сложного синтаксического целого), по видимому, также имеется ряд средств выражения экспрессии, но эта область пока недостаточно изучена.

Выражение экспрессии на морфологическом уровне системно не исследовалось. Даже предварительный обзор морфологических средств выражения экспрессии дает представление об их многообразии. Некоторые из них примыкают либо к лексико-семантическому, либо к синтаксическому уровню: 1) парадигматические формы с глаголами-интенсификаторами *do, go, try*. Norman, darling, **do** see if you can find the sugar. The point is, Sarah **did** wisper something to me, as a matter of fact. All I am saying is please **try** and see my point of view. **Try** and consider me. Now, I've gone **and** upset her (Ayckbourn); 2) окказиональное употребление видо-временных форм: That's all, he is drunk. Come on, we'll have to pull him.— I'm not lifting him. I'm much too tired... I said, I'm tired (Ayckbourn); 3) дистантное положение компонентов аналитической формы глагола: In 1919 he wrote Heartbreak House which represents an image of a country morally adrift, ideologically bankrupt... Shaw **has** undeniably **been** a powerful influence (McDonald); 4) номинализация личных форм глагола: The image persisted... Iren, sitting on that log, all alone... (Galsworthy); 5) вариант отрицательной формы глагола: Soams continued to regard the «Future Town», but he **saw it not** (Galsworthy). Did you run into any of your acquaintances there? — **Did I not** (McDonald); 6) употребление архаических форм второго лица: «I shall go up into the mountain, «said Strickland. Ata stood up and faced him». Let the others go... but I will not leave **thee**. **Thou** art my man and I am **thy** woman. If **thou** leavest me I shall hang myself... (Maugham); 7) употребление континуумных существительных и имен собственных во множественном числе: Her gray and jaded looks, ... her breathless runon talkings and silences, were signs of an explosive emotional crisis (McDonald). I could wish the cliffords and Berthas all dead (Lawrence); 8) ненормативное употребление реляционных морфем: «And you will never leave me?» she said.— «**Dunna** ask **them** things», he said.— «But you do believe I love you?» — «**Tha** loved me just now, ... But who knows what'il happen, once **tha**

starts thinking about it» (Lawrence); 9) ненормативная сочетаемость деривационных морфем: The **littlest** room should be the cleanest (Ayckbourn). It makes me feel **tireder** (McDonald); 10) окказиональное употребление артикля: — He soon realized his mistake anyway. — It was **a** him, was it? What did he say? (Ayckbourn); 11) адгерентная экспрессия, появляющаяся в ряде местоимений и наречий в определенных контекстах: «I have a lot to say if you'll only listen. I mean I've got **this** problem about my wife. She left me (McDonald). Marriage is sharing and giving and... things. Is that how you've seen us for five years? A legal contract? **Some** marriage (Ayckbourn). That's what the police keep saying: it happens all the time. As if that's **any** comfort (McDonald). I couldn't **ever** not love you, Lily (Trevor). It broke his head when Helen left home and **never** wrote... He was **never** the same man again (McDonald). But he had **that** clean, crew — cut all-American look, and **that** blur of pain in his eyes (McDonald).

Парадигматические формы с глаголами-интенсификаторами *do, go, try* можно представить, на наш взгляд, в виде бинарных оппозиций [8, с. 121—122]:

	<i>Non-emphatic</i>		<i>Emphatic</i>	
Present Indefinite	ask	do ask	go and ask	try and ask
	asks	does ask	goes and asks	tries & asks
Past Indefinite	asked	did ask	went and asked	tried & asked
Future Indefinite	'll ask	—	'll go and ask	'll try & ask
Present Perfect	've asked	—	've gone and asked	—
Past Perfect	'd asked	—	'd gone and asked	—

Эти конструкции заслуживают пристального внимания, так как они достаточно частотны в текстах и мало изучены в лингвистике. Глаголы-интенсификаторы, находясь на разных стадиях грамматикализации, выражают экспрессию и в то же время привносят разные семантические значения. Кроме того, у нас имеются наблюдения, что глагол-интенсификатор *do* может употребляться в качестве междфразового и даже межабзацного коннектора. Вышеизложенные замечания служат достаточным обоснованием интереса к анализу конструкций *do + inf, go and V, try and V*.

Список литературы: 1. Акимов Г. Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке. — *Вопр. языкознания*, 1981, № 6, с. 109—120. 2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1966. — 607 с. 3. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Изд-во иностр. лит., 1961. — 394 с. 4. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. — М.: Высш. школа, 1975. — 156 с. 5. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста). — Ташкент: Фан, 1981. — 165 с. 6. Носенко Э. Л. Эмоциональное состояние и речь. — Киев: Вища школа, 1981. — 177 с. 7. Прокопчук А. А. Предложения с эксплицитно выраженными значениями и их формы. — В кн.: Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: изд. Калинин. ун-та, 1978, с. 64—78. 8. Раевская Н. Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1973. — 143 с. 9. Трофимова Э. А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. — Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1975. — 159 с.

Поступила в редколлегию 26.08.82.

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ВЕРШИННОГО СЛОВА В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Словообразовательное гнездо считается многими лингвистами основной единицей словообразовательной системы. Однако дискуссионным остается вопрос о его структуре, составе и границах. Считаем, что этот вопрос должен решаться применительно к определенному языку, так как строй языка, особенности его лексико-семантической и словообразовательной систем оказывают влияние на закономерности построения словообразовательных гнезд. Их состав и объем и эти закономерности в каждом языке будут выражаться по-разному.

Словообразовательное гнездо — совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями синхронной словообразовательной производности [1]. Одно из своеобразий структуры словообразовательных гнезд немецкого языка состоит в том, что форма множественного числа вершинного слова образует свое отдельное подгнездо, в словообразовательных цепочках которого представлены производные и сложные слова. Подобное явление отсутствует в русском языке. Форма множественного числа Häuser формально идентична таким производным словам от Haus, как Hausung, Hauser, hausen. Форма множественного числа Häuser является производящей основой для производного слова следующей ступени этой словообразовательной цепочки Häuserchen и для ряда сложных слов Häuserreihe, Häuserblock. Это явление прослеживается и на примерах образования словообразовательных цепочек от других основ, напр.:

Bild	→ Bilder	→ Bilderchen
Bild	→ Bilder	→ bilderreich
		→ Bilderbuch
Bild	→ Bilder	→ Bilderhalle
		→ Bildersammlung

Следует обратить внимание на тот факт, что формы множественного числа Häuserchen, Kinderchen, Bilderchen и им подобные, с точки зрения словообразовательного анализа, являются формальными производящими основами для производных деминутивов с суффиксом -chen, которые в действительности семантически мотивированы непроизводными основами Haus, Kind, Bild. Значение множественности суффикса -er в таких деминутивах полностью десементизировано.

Представляется, что развитие суффикса -er множественного числа имени существительного идет по двум направлениям. С одной стороны, суффикс -er подвергается словообразовательной лексикализации, т. е. из разряда формообразовательных суффиксов

переходит в разряд словообразовательных [2], образуя основу для дериватов следующей ступени. С другой стороны, он из формообразовательного суффикса превращается в формальный связующий элемент между компонентами сложных слов. Существуют различные точки зрения: следует ли считать флексию множественного числа имени существительного формантом словообразовательным или формообразовательным. Подробный их обзор дан в работах П. А. Соболевой и В. И. Дегтярева [2; 3].

Лексикализованная форма множественного числа непроизводного существительного становится одной из производящих основ для сложных слов, в семантике которых явно наличествует значение множественности. Словообразовательная лексикализация формы множественного числа имени существительного имеет место только в том случае, когда эта форма является первым компонентом сложных слов. То, что в этих случаях формант *-er* — показатель множественного числа первых компонентов сложных слов, а не формальный связующий элемент между частями сложных слов, проявляется при трансформации сложных слов в словосочетания, напр.:

Häuserreihe = Reihe der Häuser
bilderreich = reich an Bildern
kinderlieb = Kinder liebend
Geisterbeschwörung = Beschwörung der Geister
Kinderliebe = Liebe zu Kindern
brettern = mit Brettern versehen

Подобной лексикализации подвергаются не все форманты. Например, *-e-*, *-s-* лексикализации не подвергаются, а *-en-* занимает промежуточное место среди формообразовательных и словообразовательных формантов. Он может выступать также в роли формального связующего элемента. В некоторых случаях можно говорить о лексикализации суффикса множественного числа в первых компонентах сложных слов в словах *Barackenlager*, *Barackenkolonie*, *Barackensiedlung*. В других случаях он — только формальный связующий элемент между компонентами сложных слов *Barackenbewohner*, *Barackeninsasse*.

Следовательно, форма множественного числа, образованная при помощи суффикса *-er* от непроизводных слов, лексикализуется и является производящей основой для сложных слов, в семантике которых проявляется значение множественного числа, а также служит формальной производящей основой для образования от нее деминутивов.

Список литературы: 1. Соболева П. А. Моделирование словообразования. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972, с. 165—212. 2. Соболева П. А. Лексикализация множественного числа и словообразование. — В кн.: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979, с. 47—85. 3. Дегтярев В. И. Происхождение имен *pluralia tantum* в славянских языках (К определению семантических механизмов лексикализации форм множественного числа). — Вopr. языкознания, 1982, № 1, с. 65—77.

Поступила в редколлегию 22.10.82.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ФОРМАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Задача данного исследования — изучение формального и семантического варьирования грамматических средств выражения будущего в зависимости от интра- и экстралингвистических факторов. Это позволит в свою очередь решить следующие вопросы: выяснить природу синонимии грамматических средств выражения будущего; изучить характер взаимосвязи формального и семантического варьирования сближающихся по значению грамматических форм; определить стратификационную, территориальную и функционально-стилистическую маркированность синонимов; уточнить характер взаимоотношений между британским (ВЕ) и американским (АЕ) вариантами английского языка на исследуемом участке грамматического строя.

В исследовании использовались пьесы американских и британских авторов начала и второй половины XX в. (общая длина выборки 4000 примеров), для проверки некоторых положений использовались данные опроса информантов. Рассмотрим следующие синонимичные пары.

Простое настоящее и простое будущее. Грамматические формы простого настоящего и простого будущего являются членами экви-полентной оппозиции. Решающим фактором, обуславливающим возможность сближения их значений, служит микроконтекст, переносящий действие (событие), выраженное формой простого настоящего, из временного плана настоящего в план будущего. В современной лингвистической литературе это явление называют транспозицией [2, с. 94]. Основные семантические признаки, входящие в категориальное значение настоящего, проявляются и при транспозиции, но уже не в плане настоящего, а в плане будущего.

Результаты микродиахронического анализа варьирования простого настоящего и простого будущего с точки зрения внешних факторов (см. табл. 1) не показывают существенных различий между относительными частотами этих форм в АЕ и ВЕ, а также в социальных группах внутри их, что вполне закономерно, ибо транспо-

Таблица 1

Вариант английского	Социальная группа	Период	
		начало XX в.	вторая половина XX в.
ВЕ	I	0,016	0,025
	II	0,004	0,017
АЕ	I	0,004	0,055
	II	0,006	0,015

зиция представляет собой чисто нормативное явление. Различия в использовании простого настоящего в функции будущего представителями обеих социальных групп носят скорее не количественный, а качественный характер и могут проявляться в том, что в речи персонажей, говорящих на диалекте, употребление форм простого настоящего и простого будущего часто носит недифференцированный характер, тогда как в речи образованных носителей языка простое настоящее используется главным образом для передачи определенных семантических оттенков, в частности большей уверенности в совершении действия. При сравнении относительных частот простого настоящего в функции будущего на двух временных срезах не отмечается значительного роста употребительности этих форм, так что наблюдаемое явление можно объяснить как остаточный процесс исторически обусловленной конкуренции простого настоящего и будущего.

Длительное настоящее и простое будущее. Большое влияние на характер взаимоотношений данных грамматических форм оказывает семантика заполняющего их глагола. В этой связи интересным может показаться следующее наблюдение. Большинство глаголов, используемых в длительном настоящем в функции будущего, как правило, не встречается в длительном настоящем в его инвариантном значении. Это подтверждают данные опроса информантов, отрицавших возможность подобных построений: What are you doing at the moment? *I'm coming to see you. Очевидно, семантика этих глаголов несовместима с категориальным значением длительного настоящего, так как это предельные глаголы, и обозначаемое ими действие не может достичь своего предела в настоящем (категориальное значение длительного настоящего тесно связано с понятием незавершенности). В результате дифференциальный признак процессуальности действия нейтрализуется и возникает значение «отсроченного предела», которое переносит действие, выраженное длительным настоящим, в будущее. В плане будущего признак процессуальности нейтрализуется признаком достигнутой предела действия. С точки зрения будущего действие представлено как факт, а не процесс. Отсюда и возможность образования синонимичного ряда длительного настоящего — простое будущее.

Длительное настоящее может выступать в функции простого будущего и при наличии неопредельного глагола: The Boss's talking on a National TV hookup tonight (T. Williams). В этом случае решающим фактором, обуславливающим сближение их значений, выступает не семантика глагола, а обстоятельство времени, относящее действие к будущему (при неопредельном глаголе присутствие обстоятельства времени обязательно).

Результаты анализа соотношения длительного настоящего и простого будущего в АЕ и ВЕ на двух временных срезах (табл. 2) не обнаруживают существенных различий между относительными частотами длительного настоящего и простого будущего в речи представителей обеих социальных групп ни в начале, ни во второй

половине XX в. При этом относительная частота длительного настоящего возрастает в литературно-разговорном BE и AE.

Таблица 2

Вариант английского	Социальная группа	Период	
		начало XX в.	вторая половина XX в.
BE	I	0,09	0,029
	II	0,089	0,13
AE	I	0,087	0,165
	II	0,112	0,167

Простое настоящее и длительное настоящее. В значении будущего простое и длительное настоящее — синонимы. Сравнивая эти формы, некоторые лингвисты отмечают, что несмотря на более высокую относительную частоту длительного настоящего, простое настоящее якобы более открыто для глагольных лексических единиц, так как для длительного настоящего в функции будущего действуют те же ограничения, что и для длительного настоящего в его категориальном значении [3, с. 5]. Вероятно, это не совсем правомерное утверждение, поскольку для длительного настоящего основным ограничением является невозможность употребления в этой форме непроцессуальных глаголов. Это же ограничение имеет силу и для простого настоящего в функции будущего. В частности, М. Йоос справедливо указывает, что предложения типа * The boy resembles his father next year невозможны в английском языке [7, с. 118]. В остальных случаях в формах простого и длительного настоящего в функции будущего употребляются одни и те же глаголы, правда, относительная частота некоторых групп этих глаголов варьирует для каждой из форм.

К позднему новоанглийскому периоду конкуренция простого настоящего и простого будущего почти исчерпала себя и представляет остаточное явление, поддерживаемое существованием некоторых семантических различий в значении простого настоящего в функции будущего и простого будущего. Так, основное коннотативное значение первого — категоричность, уверенность в совершении действия [8, с. 72], тогда как простое будущее передает модальные оттенки предположения, неуверенности в совершении действия [8, с. 71]. Что касается длительного настоящего, то говорить о конкуренции этой грамматической формы с простым будущим можно не ранее, чем со времени грамматизации и парадигматизации длительных форм. Следовательно, здесь наблюдается новый процесс, который еще не успел исчерпать себя. Между значениями данных форм также существуют некоторые семантические различия (длительное настоящее в функции будущего выражает запланированное действие) [8, с. 71].

Длительное будущее и простое будущее. Грамматические формы длительного и простого будущего также сближаются по значению, поскольку аналитические конструкции *shall/will* + длительный инфинитив могут выражать действие в будущем как факт [8, с. 72]: *You will be leaving me soon* (L. Hellman). Очевидно, здесь происходит нейтрализация по виду, а решающим фактором, обуславливающим нейтрализацию, является несовместимость видового категориального значения процессуальности действия с временным категориальным значением достигнутой предела действия. В данном случае нейтрализация носит регулярный характер, так как противоречие заключено в самой форме длительного будущего.

При сравнении соотношения относительных частот длительного будущего в ВЕ и АЕ на двух временных срезах существенных различий не обнаружилось (см. табл. 3). В обоих вариантах литературного английского наблюдается возрастание относительной частоты длительного будущего. Это может объясняться, с одной стороны, тем, что конкуренция простого и длительного будущего представляет собой поздний процесс, а с другой — стремлением носителей языка избегать модальных оттенков при отнесении действия к будущему, возникающих при использовании других грамматических форм, как отмечают некоторые исследователи, форма длительного будущего является единственным грамматическим средством выражения «чистого будущего» [8, с. 72].

Таблица 3

Вариант английского	Социальная группа	Период	
		начало XX в.	вторая половина XX в.
ВЕ	I	0,008	0,032
	II	0,022	0,028
АЕ	I	0,01	0,038
	II	0,016	0,002

Употребление длительного будущего в данной функции еще не получило широкого распространения. Это может быть связано с тем, что в современном английском языке данные грамматические формы используются довольно редко и что рассматриваемое явление распространяется «сверху» и не находит достаточной поддержки в диалекте (перераспределение функциональной нагрузки сближающихся по значению грамматических форм характерно главным образом для литературного языка, тогда как в диалекте они часто используются недифференцированно).

Таким образом, основываясь на результатах проведенного исследования, можно говорить о том, что существует тесная взаимосвязь между характером отношений, объединяющих конкурирующие грамматические формы в системе языка, и причинами, обуславливающими их синонимию на синтагматическом уровне. Если

сближающиеся по значению формы являются членами привативной оппозиции, их синонимия возможна только в результате нейтрализации категориального признака маркированного члена. В этой связи Е. Кржижкова справедливо отмечает, что наличие хотя бы одной позиции нейтрализации надо считать необходимым условием для отнесения того или иного противопоставления к привативной оппозиции [4, с. 291]. Однако нейтрализация в плане содержания представляет собою явление чрезвычайно редкое и может быть признана только маргинальной причиной синонимии. В большинстве же случаев, когда грамматические формы являются членами эквиполентной оппозиции или не объединены оппозитивными отношениями, их синонимия возникает в результате взаимодействия категориальных (исходящих от грамматической формы [1, с. 188]) и некатегориальных (исходящих от контекста, ситуаций, а также лексического значения словоформы [1, с. 188]) значений.

Наше исследование в известной степени подтверждает тезис А. А. Потебни о том, что «изменчивость и подвижность мысли в языке гораздо более изменчивости звуков» [6, с. 21—22]. В этом смысле можно говорить, что формальное варьирование единиц морфологического уровня вторично по отношению к их семантическому варьированию. Появление в языке нескольких грамматических форм, имеющих одно и то же денотативное значение, становится возможным только в результате определенных семантических изменений: либо нейтрализации категориального значения одной из форм, либо проявления его в модифицированном виде (в результате взаимодействия с некатегориальным значением).

Результаты исследования позволяют заключить, что решающим фактором, определяющим выбор синонима, является его функциональная нагрузка. Это и понятно, поскольку процессы, обуславливающие сближение значений грамматических форм, находятся в пределах литературной нормы, одна из особенностей которой проявляется в распределении вариантных реализаций по разным функциональным сферам литературного языка [5, с. 567]. Социально-территориальная маркированность синонимов носит очень ограниченный характер и может быть прослежена только в случаях недифференцированного употребления синонимов в речи малообразованных носителей языка.

Результаты исследования, обнаруживающие отсутствие существенных различий в относительных частотах конкурирующих форм, а также однонаправленность процессов их развития в обоих вариантах английского языка, позволяют говорить о том, что они развиваются по линии сближения. Отсутствие существенных различий в относительных частотах конкурирующих форм в АЕ и ВЕ в начале века является свидетельством тому, что изменения в ВЕ во второй половине XX в. следует связывать не с влиянием АЕ, а прежде всего с внутренними особенностями развития ВЕ.

Список литературы: 1. Бондарко А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике. — В кн.: Принципы и методы семантических

исследований. М: Наука, 1976, с. 180—202. 2. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л: Наука, 1976. — 255 с. 3. Ермакова Н. В. Дистрибутивный анализ средств выражения футуральности в современном английском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Калинин, 1980. — 16 с. 4. Кржижкова Е. О понятии нейтрализации. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие: М.: Наука, 1969, с. 289—291. 5. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. — М.: Наука, 1970. — 604 с. 6. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. — Харьков, 1888, с. 21—22. 7. Joos M. The English Verb. Form and meanings. — Madison: Milwaukee: University of Wisconsin Press, 1964. — 251p. 8. Leech C. and Svartvik J. A Communicative Grammar of English. — Lnd.: Longman, 1975. — 324p.

Поступила в редколлегию 05.10.82.

В. Н. МОЛОДЕЦ, канд. филол. наук

ПРОЦЕСС СИНОНИМИЗАЦИИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Известно, что многие европейские лингвистические терминосистемы, в том числе русская и немецкая, создавались первоначально за счет заимствований из классических языков — греческого и латинского, давших им не только образцы грамматики, но одновременно и соответствующие термины.

Процесс освоения иноязычной лингвистической терминологии делится в обоих языках на два отчетливо выраженных этапа: **первый этап** — ассимилирование национальным языком заимствованной терминологии в иноязычной оболочке и появление вследствие этого *вариантов терминов*, «исходный термин — его ассимилированная модификация», т. е. однокоренных единиц с одинаковым значением, но с разными аффиксами, разным звучанием или разным написанием [2; 3]; **второй этап** — лексико-семантическое и семантическое калькирование иноязычных прототипов средствами национального языка и создание в результате этого разнокоренных *синонимов терминов* типа «интернационализм — калька на национальной основе», называемых также *дублетами* [4]. Поскольку первый этап рассматривался нами ранее [5], в настоящей работе остановимся подробно на втором этапе.

Процессы вариационизации и синонимизации заимствованных слов происходили во все периоды развития русского и немецкого языков и имеют место сегодня, однако по характеру своего протекания и глубине проникновения в ткань национального языка они существенным образом отличались в древности от XIX—XX вв. Так, в дописьменный и раннеписьменный периоды, предшествовавшие созданию общенационального языка, иноязычные слова легче и полнее ассимилировались в заимствующем языке, не образуя того особого лексического слоя, который впоследствии получил наименование «интернационализмы».

Полагаем, что происходило это по той причине, что в тот период заимствование осуществлялось в устной форме и еще не существовало единого стандарта, строгих предписаний общенацио-

нальных фонетических, грамматических и орфографических норм, которые регламентировали бы вхождение иноязычных слов в общелитературный язык, как это мы наблюдаем сейчас. Тогда отсутствовало правило, действующее в настоящее время относительно иноязычных слов, согласно которому последние должны транслитерироваться (или транскрибироваться) средствами воспринимающего языка в максимально приближенной к подлиннику форме; нередко даже вопреки национальной фонологии и орфографии.

Благодаря тому, что в ранних заимствованиях русского и немецкого языков отдельные произносительные своеобразия в большей степени нивелировались и эти заимствования полностью подчинились законам языка-реципиента, последние органически переплелись с основным словарным фондом, обогатив его новыми важными для него лексическими единицами.

В русском языке к таким ранним заимствованиям относятся следующие общеупотребительные слова, пришедшие из греческого, латинского, германских, тюркских и других языков: брак (от ранненововерхненемецкого *Brack* — недостаток); грамота (от греч. *grammata*, мн. ч. — чтение и письмо, в свою очередь, от *gramma* — буква, запись); осел (через готское *asilus* от лат. *asinus*); товар (из тюркских через турецкое *tavar*) и др. [15]. В немецком языке к этой категории слов относятся: *Brief* (от латинского *brevis libellus*); *Koppel* (через франц. *couple* от латинского *copula*); *Salbe* (от греческого *élpos* — масло, жир); *Teufel* (от греческого *diabolos*) и др. [16]. Приведенные выше заимствованные слова, в том числе из греческого и латинского языков, вошедшие в русскую и немецкую обиходную лексику до создания и в первый период создания общелитературного языка, не входят в интернациональный слой, хотя некоторые из них и существуют одновременно в нескольких языках. В то же самое время массовые заимствования XVII—XX вв. русского, немецкого и других языков из греческого, латинского, французского, английского, испанского, нидерландского, итальянского и некоторых восточных языков представляют собой *интернационализмы*, поскольку они не смогли полностью ассимилироваться в заимствующих языках, а продолжают восприниматься как иноязычные по той причине, что в значительной мере сохранили свой первоначальный или транслитерированный графический облик и иноязычные произносительные особенности, зачастую совершенно не характерные для соответствующего языка-реципиента. Это видно, например, по следующим иллюстрациям: (см. стр. 67).

Таким образом, языку известны два вида ассимиляции иноязычных заимствований: **устная народная ассимиляция и письменная литературная ассимиляция**. Первый вид ассимиляции существовал в основном в дописьменный период истории языка, хотя не исчез полностью и в настоящее время. Однако теперь он играет лишь незначительную роль, так как не признается литературной нормой, считается неточным, простонародным, не воспроизводя-

Русская форма заимствования	Немецкая форма заимствования	Язык-источник
апогей бюджет	Apogäum Budget	греч. apogeios — удаленный от Земли франц. budget — роспись государственных доходов и расходов
джаз каркас лексика магазин	Jazz Karkasse Lexik Magazin	англ. jazz — особый вид оркестра и музыки итал. carcassa — остов изделия греч. lexikos — словесный араб. через итал., франц. и англ. — склад- ское помещение, хранилище
плакат	Plakat	ср.-лат. через голл. и франц. — крупно- форматное объявление
фотография юрта	Fotografie Jurte	греч. phōs/phōtos — свет и graphō — пишу тюрск. — переносное жилище среднеазиатских кочевников [см. 11; 15]

щим адекватно иноязычный образец и не ведущим к появлению интернационализмов — основной формы заимствований. Следует заметить, что лингвистические термины обоих языков заимствовались и продолжают заимствоваться только с помощью второго вида ассимиляции, что привело к созданию вариантных форм по отношению к их прототипам.

Кроме вариационизации заимствованные термины проделывают еще один исключительно важный этап — **лексико-семантическое и семантическое калькирование**, благодаря чему появились *дублеты*. Говоря о процессе синонимизации, имеем в виду только такие термины, которые в течение веков обозначали одно и то же понятие. Если же какой-либо термин обозначал разные понятия в разные исторические эпохи, то он либо выпадает из сферы нашего рассмотрения, либо специально оговаривается.

Так, по данным грамматик русского языка XVI—XVIII вв., термин «глагол» обозначал «слово», а термин «речь» — «глагол». В последующий же период за этими терминами закрепились обозначения других лингвистических понятий. Подобное явление наблюдалось в XVII в. в немецком языке, когда термин «Hauptwort» (наряду со многими другими синонимами, например, Nomen substantivum, Substantivum, selbständiger Name, selbständiges Nennwort, Selbständiges) обозначал понятие «имя существительное» и вместе с тем понятие «глагол» (наряду с синонимами Verbum, Wort, Zeitwort, Werkwort, Tuwort, Sagwort, Sprechwort, Geschichtwort). Позднее за термином «Hauptwort» закрепилось лишь понятие «имя существительное».

При лексико-семантическом калькировании используется не первоначальная звуковая оболочка иноязычных терминов, а только выражаемые ими понятия, которые передаются средствами воспринимающего языка с соблюдением морфологической структуры и семантической мотивированности оригиналов;

Морфемный состав оригинала	Русские и немецкие кальки
лат. ap-posit-um	при-лож-ение; Bei-füg-ung, An-füg-ung, Bei-satz, Zu-satz
лат. bi-later-alis	дву-сторон-ний; zwei-seit-ig
лат. dis-simil-atio	рас-подоб-ление, раз-у-подоб-ление; Ent-ähnlich-ung, Ent-gleich-ung
лат. re-duplic-atio	у-двое-ние; Ver-doppel-ung

Наряду с лексико-семантическим калькированием исключительно широкое распространение получило семантическое калькирование, характеризующееся тем, что в языке-реципиенте средствами национального языка передается лишь значение заимствованного слова:

Заемствованный оригинал	Русские и немецкие кальки
лат. adverbialis	обстоятельный; umstandswörtlich
лат. deetymologisatio	опрошение; Abschleifung
греч. litotes	недооценка, ослабление, уменьшение; Geringfügigkeit, Untertreibung
лат. valentia	сочетаемость; Wertigkeit, Fügungspotenz

При этом не следует забывать, что приведенные выше термины русский и немецкий языки заимствовали также в иноязычной оболочке как интернационализмы: аппозиция, билатеральный, диссимилиция, редупликация, адвербиальный, деэтимологизация, литота, валентность.

Некоторые исследователи [1, с. 65; 13, с. 177—178] отмечают, что «калька получает более широкое значение, а заимствование — более узкое, специальное» [11, с. 119]:

Оригинал	Заемствование	Калька
objectum positivus	объект позитивный	предмет положительный

Впрочем, чаще имеют место случаи полного совпадения значения заимствования в иноязычной оболочке и кальки. Примерами, подтверждающими этот факт, могут служить следующие лингвистические термины: адъектив — прилагательное, предикат — сказуемое, субстантив — существительное; Adjektiv — Eigenschaftswort, Prädikat — Satzaussage, Substantiv — Hauptwort, хотя при более внимательном рассмотрении между членами указанных выше пар все же имеются определенные стилистические различия,

выражающиеся в их разной сфере употребления [8; 9], а также различия в словообразовательных возможностях.

Значение калькирования состоит в том, что оно является исключительно продуктивным способом пополнения лингвистической терминологии. М. Д. Степанова и И. И. Чернышева усматривают особенность словарного состава немецкого языка именно в том, что в нем имеется большое количество синонимических дублетов типа «иностранный слово-немецкий эквивалент-калька» и что «данное явление характерно и для терминологии. Так, вся немецкая грамматическая терминология имеет параллельные термины латинского и немецкого происхождения. Ср.: Kasus — Fall, Infinitiv — Nennwort, Verb — Zeitwort и т. д.» [13, с. 215].

На роли калькирования в разные периоды истории немецкого языка специально останавливаются многие ученые, в том числе лингвист из ГДР В. Шмидт [18, с. 79], а также советский исследователь И. А. Субботина [см. 14]. Вот как выглядит, к примеру, процесс вариаблизации и синонимизации термина «имя существительное» у И. А. Субботиной:

а) латинский оригинал и его немецкие варианты (XVI в.) *nomen substantivum*; (XVII в.) *Nomen substantivum*; (XVIII в.) *substantium* — *Substantium* — *Substantivum* — *Substantív* — *Substantiv* (ведущая номинация); (XIX — XX вв.): *Substantívum* — *Substantif* — *Substantív* — *Súbstantiv*;

б) немецкие кальки и их варианты и синонимы (XVII в.) *selbstendiger Nahme* — *selbstendiger Name* — *selbständiger Nahme* — *selbständiger Name* — *selbstendiges Nenn-Wort* — *selbstendiges Nennwort* — *das Selbstendige* — *das Selbständige* — *selbständig Wort* — *Hauptwort* — *Hauptwort* (ведущая номинация); (XVIII в.) *Grundwort* — *Wesenswort* — *Selbstandwort* — *wesentlicher Name* — *eigentlicher Name* — *Hauptnahme* — *Hauptnahme* — *Hauptname* — *Haupt* — *Wort* — *Hauptwort* — *Hauptwort* — *Haupt* — *Nennwort* — *Selbst* — *Nennwort* — *Selbstwort* — *Sachwort* — *Benennung* — *Nennung* — *Stand* — *selbständiges Wort* — *selbständiges Nennwort* — *eigenständiges Wort*; (XIX — XX вв.) — *Hauptwort* — *Grundwort* — *Wesenswort* — *Sachwort* — *Dingwort* (ведущая номинация) — *Nennwort* — *Seynwort* — *Bestandwort* — *Gegenstandswort* — *Dingname* — *Gegenstandsname*. Итак, ведущими номинациями понятия «имя существительное» в немецком языке являются *Substantív* (с XVIII в.), *Hauptwort* — (с XVII в.) *Dingwort* — (с XIX в.).

А. И. Полторацкий, исследующий терминологию русской лингвистистики, приводит в качестве примеров дублетов «интернационализм — калька на национальной основе» следующие пары: амплификация — расширение, анастрофа — обратная перестановка, апосиопеза — фигура умолчания, климакс — восходящая градация, какофония — неблагозвучие, синантройзм — фигура накопления и др. [10, с. 136]. А в рецензии на Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой он приводит примеры сино-

нимов и из области грамматики: презенс — настоящее время, номинативный — назывной и др.

Наше исследование русской и немецкой лингвистической терминологии свидетельствуют о том, что в обеих терминосистемах практически все понятия выражены вариантными и синонимическими парами и даже рядами. Так, в русско-немецком словаре фонетических терминов [7, с. 43, 110] приведены следующие установленные нами варианты и синонимы терминов «метатония» и «фрикатив»: *метатония* (см. *изменение ударения*; *передвижение ударения*; *перемещение ударения*; *перенесение ударения*; *перенос ударения*) — Metatonie, f; Akzentwechsel, m; Akzentverlagerung, f; Betonungsversetzung, f; Betonungswechsel, m; Tonverschiebung, f; Tonwechsel, m; *фрикатив* (см. *длительный согласный*; *дыхательный согласный*; *открытый согласный*; *проточный согласный*; *протяжный согласный*; *придувной согласный*; *фрикативный согласный*; *щелевой согласный*; *щелинный согласный*; *спирант*) — Frikativa, f; Frikative, m; Frikativ, m; ein frikativer Konsonant; ein frikativer Laut; Frikativlaut, m; Reibelaut, m; Engellaut, m; Dauerlaut, m.

Подобную картину мы наблюдаем и в русско-немецком словаре грамматических терминов [6, с. 87, 100]:

континуатив (см. *длительный вид*; *дуративный вид*; *имперфективный вид*; *многоактный вид*; *многократный вид*; *незаконченный вид*; *прогрессивный вид*; *продолженный вид*; *длительная форма*; *продолженная форма*; *протяженная форма*) — Kontinuativum, n; Kontinuativ, n; Verlaufsform, f; Dauerform, f;

мультипликатив (см. *счетное наречие*; *числовое наречие*; *числительное наречие*; *наречие — числительное*; *итеративное числительное*; *наречное числительное*; *числительное — наречие*) — Multiplikativum, n; Multiplikativ, n; Numeraladverb, n; Zahladverb, n; Zahlumstandswort, n; Aufzählungswort, n.

Относительно материального воплощения калек можно сказать следующее. Как показал анализ, иноязычные лингвистические термины нередко калькируются в обоих языках не простыми и даже не производными словами, а сложными словами или словосочетаниями, напр.: *анафора* — единоначатие; Wiederaufnahme; *диграф* — двоебуквие, двойная буква; ein doppelter Buchstabe, ein verdoppelter Buchstabe, Doppelbuchstabe; *метафора* — перенос значения, переносное значение; Übertragung der Bedeutung, Bedeutungsübertragung, Bedeutungsverlagerung; *редукция* — ослабление, свертывание, сокращение, уменьшение; Verkleinerung, Minderung, Schwächung, Schwund.

При этом количество немецких моноксемных калек намного больше, чем русских, что объясняется характерным для немецкого языка видом словообразования — словосложением. Эквивалентами немецких терминов, выраженных сложными словами, в русском языке чаще всего выступают словосочетания. Ср.: *аспирата* — Hauchlaut — придыхательный согласный; *инфинитив* — Nenn-

form — неопределенное наклонение; *копула* — Satzband — глагол — связка, глагольная связка; *коррелат* — Deutewort, Einleitetwort, Hinweiswort, Verweiswort, Stützwort — соотносительное слово, указательное слово; *плюсквамперфект* — Vorvergangenheit — давнопрошедшее время; *суперлатив* — Meiststufe — превосходная степень; *эвфемизм* — Hüllwort, Deckname — украшающее слово (выражение).

Суффиксы иноязычных слов часто передаются при калькировании не суффиксальными, а корневыми морфемами и, более того, целыми словами языка-реципиента со значением калькируемых суффиксов, напр.: *Linguist* — языковед — *Sprachwissenschaftler*, *Sprachgelehrter*, *Sprachforscher*, *Sprachkundler*; *Linguistik* — языкознание, языковедение — *Sprachwissenschaft*, *Sprachlehre*, *Sprachforschung*, *Sprachkunde*. Как видно из приведенных примеров, к основным элементам калек вместо суффиксов присоединяются слова или корни слов, обозначающие те видовые понятия, к которым относятся калькируемые термины. Таким образом, кальки выполняют в терминологии еще и дополнительную функцию — они классифицируют термины по видам. В русском и немецком языках имеется большое количество калек, образованных по этому типу. Ср.: *абессив* — лишительный падеж — *Abnehmfall*, *Nehmfall*; *агенс* (с нулевым суффиксом) — действующее лицо, производитель действия — *die handelnde Person*; *актив* — действительный залог — *Tatform*, *Tätigkeitsform*; *билингва* — двуязычная надпись — *eine zweisprachige Inschrift*; *димиутив* — уменьшительное слово, уменьшительная форма — *Verkleinerungswort*, *Verkleinerungsform*; *консонантизм* — система согласных — *Mitlautsystem*; *октава* — восьмистишие — *Achtzeiler*; *трахея* — дыхательное горло — *Atemröhre*, *Lufttröhre*; *футурум* — будущее время — *Zukunftsform*.

Дублеты русских и немецких лингвистических терминов появились давно и не проявляют склонности к исчезновению или хотя бы какому-то уменьшению своего числа. Дело обстоит как раз наоборот: количество дублетов в том и другом языке постоянно растет, что объясняется той важной ролью, которую играют дублеты в терминологической лексике; иноязычный оригинал звучит, как правило, более научно и точнее номинирует соответствующее понятие, однако по своей внутренней форме часто бывает неясен для носителей национального языка. Калька же во многих случаях менее точна по сравнению с соответствующей иноязычной формой и может со временем обрастать другими значениями или быть с самого начала полисемантической, если она уже существовала в языке-реципиенте раньше и лишь потом была использована в качестве эквивалента иноязычного термина, зато она понятнее по своей внутренней форме. Кроме того, дублеты играют немаловажную роль в словообразовании, так как иноязычные оригиналы часто монолексемны и поэтому более пригодны для создания производных форм, чем их кальки, имеющие форму сложных слов (в немецком языке) или словосочетаний (в русском). Помимо некоторых семантических

различий, дублиеты имеют определенные стилистические различия и разную сферу употребления [9], что также способствует их сохранению в терминологике.

Кроме дублиетов, в русской и немецкой лингвистической терминологии имеется еще два вида синонимов: заимствованных терминов на иноязычной основе и калькированных и автохтонных терминов на национальной основе.

Синонимы русских и немецких лингвистических терминов на иноязычной основе появились по той причине, что заимствование определенного понятия и его обозначения не было однократным актом и не ограничивалось лишь одним термином, а иногда происходило еще заимствование его синонимов из языка-источника или из другого иностранного языка, напр.: *Abkürzung* — *Akronym* — *Brachylogie*; метатеза — пермутация — транспозиция; *Metathese* — *Permutation* — *Transposition*; эвфуизм — бомбаст; *Euphuismus* — *Bombast*.

Эти пары и ряды синонимов весьма немногочисленны. Внутри них, как и внутри двух других видов синонимов, выделяются основные и второстепенные для данного времени синонимы, отличающиеся друг от друга некоторыми семантическими и стилистическими оттенками и своей употребительностью.

И, наконец, в результате синонимизации калькированных и автохтонных терминов появляются, в свою очередь, синонимы на основе национального языка. Этот вид можно проиллюстрировать, например, многочисленными синонимами латинского термина *coniugatio* в немецком языке: *Konjugation* — *Zeitwortbeugung* — *Abbeugung* — *Beugung* — *Biegung* — *Abwandlung eines Verbs* — *Umwandlung eines Verbs* — *Flektierung eines Verbs* — *Flexion eines Verbs*.

Термины, созданные первоначально как автохтонные единицы на национальной основе, также прошли описанный выше путь; при этом они синонимизировались не с иноязычными терминами, а со словами на базе своего национального языка, отражая тем самым стремление своих создателей как можно точнее и ярче номинировать то или иное понятие:

в русском языке: вилочка — крючок (диакритический знак); гортанный приступ — новый приступ — твердый приступ; долгота звука — длительность звука — количество звука; краткая форма прилагательного — несклоняемое прилагательное — неизменяемое прилагательное — нечленная форма прилагательного; подчиненный член предложения — зависимый член предложения; сокращенная форма — свернутая форма — усеченная форма; ярус языка — уровень языка;

в немецком языке: *Amtsdeutsch* — *Papierdeutsch* — *Schreibstübendeutsch* — *Funktionärdeutsch* (канцелярский немецкий язык); *Binnenreim* — *Mittelreim* — *Schlagreim* (внутренняя рифма); *Fallton* — *Tiefton* — *Tonsenkung* (нисходящая интонация); *Rotwelsch* — *Kundensprache* — *Geheimjargon* (апро); *Schaltworte* —

Schaltgruppe — Füllphrase (вводные слова); Sprachträger — Sprachgenosse — Sprachteilhaber (носитель языка); Ursprache — Grundsprache (праязык); Wortschatz — Wortgut — Sprachschatz — Sprachgut (словарный состав).

К данной группе синонимов следует, по нашему мнению, отнести также многочисленные новообразования немецких лингвистов, например, Х. Бринкмана, Г. Глинца, И. Эрбена и др., если они обозначают традиционные понятия нетрадиционными терминами, например, *местоимение*: Pronomen — Fürwort — Größenbegleiter (H. Glinz) — Begleiter (H. Glinz) — Stellvertreter (H. Glinz) — Anzeigewort (H. Glinz) ein größenbezügliches Formwort (J. Erben) — Formwort (J. Erben) — Wechselwort (R. Conrad) — Rahmenzeichen (R. Conrad). Таким образом, под синонимизацией лингвистических терминов следует понимать два разных аспекта: во-первых, создание дублетов «ассимилированный термин иноязычного происхождения (чаще всего интернационализм) — калька этого термина на материале заимствующего языка»; во-вторых, создание синонимов как иноязычных терминов на иноязычной же основе, так и синонимов терминов на национальной основе.

Процесс синонимизации русской и немецкой лингвистической терминологии, возникшей первоначально на иноязычной основе, и появление в результате этого дублетов является не только закономерным, но и неизбежным. Создание калькированных синонимов объясняется необходимостью «демократизации терминологии», желанием сделать ее доступной для широких масс, поскольку наука перестала быть достоянием лишь небольшой группы ученых.

При создании грамматик неразвитых для данного исторического периода языков имеет место не только копирование самих грамматик развитых языков, но также и заимствование соответствующих терминов в их первичной материальной оболочке. К этой группе терминов мы относим также заимствованные развитыми языками в последующий период их развития как единичные лингвистические термины, так и термины целых новых аспектов и направлений лингвистики, которые были созданы в других странах раньше и которые становятся необходимыми для обозначения идентичных явлений в языке-реципиенте или для ознакомления с иноязычными лингвистическими понятиями, т. е. которые были введены в результате обмена научными достижениями в эпоху высокого уровня развития лингвистики в обеих взаимодействующих странах.

Характерной особенностью русского языка является то, что из-за разности своего алфавита с алфавитами античных и западноевропейских письменностей он не мог заимствовать недостающие ему термины в иноязычной форме, как это имело место в немецком языке, а либо транслитерировал (транскрибировал) их своими графическими средствами, либо сразу передавал их с помощью лексико-семантических калек, что привело к раннему появлению удачных национальных форм, прочно закрепившихся в языке-реципиенте

и проделавших вместе с ним долгий и сложный путь развития. В немецком же языке, заимствовавшем грамматическую терминологию в ее исконной материальной оболочке, долгое время происходил только процесс варибилизации иноязычных слов применительно к своим национальным нормам, и лишь через несколько веков, когда языковые нормы развились и закрепились и глубокое проникновение иностранных слов в ткань немецкого языка было затруднено, в действие вступили калькирование (в основном семантическое) и синонимизация калек.

Новые термины создавались, как правило, путем словосложения, что неизбежно привело не к образованию прочно амальгамированных лексем, а к словам с прозрачной морфемной структурой, легко поддающихся замене слагающих их компонентов или другими новообразованными словами с подобным значением. Простота создания немецких калек имела следствием их обилие и недолговечность, объясняемых, по нашему мнению, постоянным стремлением ученых к более точной передаче содержания и формы исходных терминов. Вот почему калькирование с помощью словосложения вряд ли увенчается когда-либо созданием по-настоящему удачных лингвистических терминов, удовлетворяющих высоким требованиям лингвистов. Любая лексема, легко разлагающаяся на составные части, нередко воспринимается буквально и уже поэтому выглядит упрощенно и примитивно. Недаром иноязычные слова с неясной или «затемненной» внутренней формой больше подходят для выполнения роли терминов.

Процесс становления и развития русских и немецких лингвистических терминов в основных своих чертах сходен и сводится вкратце к тому, что эти термины, возникнув первоначально как **монимины**, т. е. термины, не имеющие синонимов, на греко-латинской основе, видоизменялись соответственно нормам заимствующего языка, превращаясь в варианты, а затем в ходе развития науки и просвещения калькировались на основе национального языка. В результате этого сложного процесса в русском и немецком языках были созданы **полионимы** — пары и даже разветвленные ряды вариантов и синонимов лингвистических терминов.

Список литературы: 1. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. — М.: Изд-во МГУ, 1954. — 204 с. 2. Молодец В. Н. Классификация вариантов немецких лингвистических терминов. — Вестн. Харьк. ун-та. Сер. иностр. яз., 1977, вып. 10, с. 60—66. 3. Молодец В. М. Класифікація варіантів російських лінгвістичних термінів. — Мовознавство, 1977, № 4, с. 38—45. 4. Молодец В. М. Класифікація синонімів російських і німецьких лінгвістичних термінів за мовою-джерелом. — Мовознавство, 1978, № 3, с. 51—55. 5. Молодец В. Н. Процесс варибилизации русских и немецких лингвистических терминов. — Вестн. Харьк. ун-та. № 243. Сер. иностр. яз., 1983, с. 39—40. 6. Молодец В. Н. Немецкие эквиваленты русских грамматических терминов. — Харьков: Вища школа, 1982, ч. 1. 116 с. 7. Молодец В. Н. Русская и немецкая фонетическая терминология. — Харьков: Вища школа, 1979. — 116 с. 8. Молодец В. Н. Стилистические различия между вариантами русских и немецких лингвистических терминов. — 22 с. — Депон. ИНИОН АН СССР, 1977, № 1654, 26 сент. 9. Молодец В. Н.

Стилистические и семантические различия между синонимами русских и немецких лингвистических терминов. — 34 с. — Дедон. ИНИОН АН СССР, 1977, № 1653, 26 сент. 10. *Полторацкий А. И.* Основные понятия лингвостилистики. — В кн.: О принципах и методах лингвостилистического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1966, с. 131—143. 11. *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. — М.: Учпедгиз, 1955. — 400 с. 12. *Словарь иностранных слов* / Под ред. Ф. Н. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1964. — 784 с. 13. *Степанова М. Д., Чернышева И. И.* Лексикология современного немецкого языка. — М.: Высш. школа, 1962. — 310 с. 14. *Субботина И. А.* Становление и развитие немецкой грамматической терминологии (на материале морфологии): Автореф. дис.... канд. филол. наук. — М., 1967. — 20 с. 15. *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Учпедгиз, 1961. — 402 с. 16. *Fremdwörterbuch.* Sprachwissenschaftliche Leitung: Horst Klien. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1954. — 688 S. 17. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. — Halle / Saale: VEB Max Niemeyer Verlag, 1968. — 782 S. 18. *Schmidt W.* Deutsche Sprachkunde. — Berlin: VEV Volk und Wissen, 1964. — 354 S.

Поступила в редколлегию 08.06.82.

Е. И. МОРОЗОВА

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАРИИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ И АДЪЕКТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В теории номинации, обогатившейся в последние годы многими исследованиями, закономерен возрастающий интерес к семантической корреляции единиц структуры языка, вариативности языка в пределах той или иной подсистемы. Выявление возможностей передачи одного или близкого содержания различными языковыми формами весьма плодотворно для стилистики, поскольку стилистическое использование любой языковой и речевой единицы основывается на возможности выбора вариантов при сохранении общего инварианта данного интеллектуального содержания. Существование вариантов «бесконечно разнообразит выразительные средства языка, язык получает возможность выражать тончайшие оттенки мысли» [3, с. 75].

В этом плане заслуживают внимания функционально-семантические связи прилагательного и глагола. Прилагательные, коррелирующие с однокоренным глаголом, с полным основанием относятся к номинализирующим синтаксическим трансформациям — адъективациям [5, с. 194], под которыми понимаются вариации предложений по синтаксическому строению, сопровождающиеся некоторыми изменениями в референции при сохранении смыслового тождества. Корреляция глагола и прилагательного также связана с перифразой, необходимым условием которой является тождество по референции; допустимы вариации по смыслу. В грамматической организации высказывания характерны контекстуальные встречи рассматриваемых языковых единиц, где они варьируются, заменяя и дополняя друг друга.

Изучение функционально-семантических связей прилагательного и глагола представляет новые данные для изучения градуиро-

вания качества. Прагматический заряд трансформационно соотносенного с глаголом прилагательного направлен на качественную характеристику субъекта: Titled «Second Wind of the Cuckold», the novel confused nearly everyone; even its reviews were confusing (J. Irving).

Качественно-количественные различия между глаголом и прилагательным проявляются не только в рамках типового значения квалификативности, но и при передаче стальных значений: I can't help being fond of anyone who loved you (G. Greene); Dolly was the one, really, who wanted to get married right now. Don't think I wasn't eager. I was (R. Macdonald); He gave his clubman grunt again and waited. Was he cautious because he found that I knew his name...? (G. Greene).

Градуальные семантические отношения между прилагательным и глаголом характерны в организации диалога: 'Do you think, 'asked Denis hesitatingly — 'do you really think that she... that Gombauld...' I am sure of it', Mary answered decisively (A. Huxley); 'Would you like to be going with them?' 'Yes, mum, very pleased', I'm sure' (E. Waugh); He asked me whether I should like to meet his sister — inlaw, and when I said, «Yes, I should be delighted to,» he said that it would cost a pound normally; but that he'd let me have special terms (E. Waugh).

В выражении отношений градуальности значительное место принадлежит метафорической и фразеологизированной номинации, обладающей широкими возможностями эмфатического выделения признака: Of course when I came home and told Freddy he was furious. I've never seen him so angry. He foamed at the mouth (S. Maugham); Luckily she had been so thin to begin with, so it hadn't shown disastrously, but a lifetime of it would have been more conspicuous, no doubt (M. Drabble); She was never very sure about mousse, it was usually all right, but she didn't trust it... (M. Drabble); Mrs Poulteney was inwardly shocked. Once again Sarah's simplicity took all the wind from her swelling spite (J. Fowles).

Роль адъективных перифраз чрезвычайно велика при передаче модальных значений, где прилагательные тонко дифференцируют оттенки модальности: возможность (способность) (1); вероятность (2); разрешение (3); желание (4). 1) Can you hate? Are you capable of hating? (A. Christie); 2) «—do you think that there is any chance, any chance at all, of his getting the children? There isn't, is there? Could there be?' 'I wouldn't have thought it possible', he said, quickly, instantly, not allowing himself to think about how to reply (M. Drabble); «Suppose he's waiting there?»... «That's not very likely. Have a little pluck, Kitty. How can it possibly be your husband?» (S. Maugham); 3) Husbands can snub wives but wives aren't allowed to indulge themselves in artistic endeavours; wives can only do so in secret, when husbands are out the house (F. Weldon); 4) But Christopher would not repeat it, was reluctant to explain himself (M. Drabble).

Употребление адьюнкторов к прилагательному расширяет возможности выражения таких оттенков экспрессивно-стилистического значения, которые не могут быть выражены глагольным адьюнктором: *He could be gay, witty and debonair, ... he could be natural, sensible and even profound. And he was quite capable of cutting you dead* (S. Maugham).

Информативность речи выявляется не только в непосредственном введении в высказывание слов, обозначающих ранее не упоминавшиеся денотаты, но также и в раскрытии все новых отношений, в которых находятся элементы отображаемой ситуации [1, с. 180]. Это положение подтверждается, в частности, анализом семантических аспектов корреляции прилагательного и глагола.

По сравнению с квалифицирующим глагольным предикатом, прилагательное обладает тем свойством, которое У. Л. Чейф называет амбиентностью [6, с. 120]. Предицируемый субъекту признак направлен не на какой-либо определенный объект, а на все окружение субъекта: *The words walked into his mind and stood there; They shocked him; They were shocking* (M. Drabble).

Экспликация субъекта может сочетаться с изменением его аффицированности, что является действенным средством выражения контрастных отношений: *'I am her tame, despicable ad-man.'* *'But that's what she's tried to make you. She seeks to despise you* (F. Weldon). В контрастные отношения прилагательное и глагол вступают и в том случае, когда в одной из этих единиц, как правило, в прилагательном, появляется сема отрицания: *...a new knob on a door (albeit a nasty bakelite one to replace the irreplaceable brass original)...* (M. Drabble); *...he was sexy and undeniable, and crude about it, and anybody less crude she would have been obliged to deny...* (M. Drabble). Контрастные отношения могут лежать в основе не только трансформаций, но и конверсных перифраз: *She needed him, he was indispensable to her ...* (M. Drabble); *At that moment she looked right through me. I felt invisible* (G. Greene).

Прилагательное, как правило, обладает более широким значением, чем его глагольный коррелят. Для уточнения значения прилагательного язык может прибегать к помощи глагола-сукцедента: *'I'm so desperately sorry for the wrong I did you. I so bitterly regret it* (S. Maugham). (Ср.: словарное определение прилагательного *sorry* — *having a sincere feeling of shame or unhappiness about one's past actions, and expressing a wish that one had not done them; to feel pity towards*). Характерно использование стилистического приема — оксюморона: *Emily had grown so beautiful with the years that it was now almost unbearable, one could hardly bear to gaze at her, so moving were the marks of time and beauty* (M. Drabble).

Заслуживает внимания широкое использование оценочных структур, включающих отглагольные прилагательные. Прагматический показатель входит в состав этих единиц, комбинируясь с десигнативными компонентами значения в смешанные знаки [2,

с. 177]. Использование прилагательных данного типа параллельно с глаголом служит целям выражения субъективной эмоциональной оценки: At first she had found this incredible, impossible: she could not believe that people of her own generation, nice people like Diana, really meant it (M. Drabble); If it weren't there, I would have nothing, I would be destitute... (M. Drabble). В активном функционировании таких прилагательных характерно использование косвенной метафоризованной номинации качественного признака: It was a story that tended to sprawl all over the place, and yet it remained essentially portable. You could always take it home with you and reflect on it while sitting, say, in the out — going water in the bathtub (J. D. Salinger).

Семантический подход к изучению синтаксических явлений немаловажен без обращения к стилистике, являющейся той сферой, где с наибольшей очевидностью проявляются семантические оттенки разнооформленных языковых единиц, и где эти различия используются целенаправленно.

Список литературы: 1. Блох М. Я. Актуальное членение предложения как фактор парадигматики. — В кн.: Проблемы грамматики и стилистики английского языка. М.: Наука, 1973, с. 48—73. 2. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970, с. 163—249. 3. Гак В. Г. Языковая вариантность в свете общей теории вариантности (к проблеме факторов и роли вариантности в языке). — В кн.: Вариантность как свойство языковой системы. М.: Наука, 1982, с. 72—75. 4. Мартынов В. В. Категории языка. — М.: Наука, 1982. — 192 с. 5. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). — М.: Наука, 1981. — 360 с. 6. Чейф И. Л. Значение и структура языка. — М.: Прогресс, 1975. — 432 с.

Поступила в редколлегию 14.06.82.

В. И. ОДИНОВА

СООТНОШЕНИЕ СТРУКТУРНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ В АДЪЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ NA, AN

Структурно-семантическая модель — языковое образование представляющее собой структурно-семантическое единство двух и более знаменательных слов и являющееся типовым образцом, по которому создаются типовые словосочетания с переменными компонентами и объединяемые особым характером синтаксических и семантических связей.

Итак, модель — это сетка отношений между соответствующими функциональными значениями заполняющих ее лексических единиц. Кроме того, конструктивное значение определенным образом взаимодействует со значениями лексических единиц, заполняющих данную конструкцию или модель. В рамках той или иной структурной модели в сфере влияния данного конструктивного значения как бы уже заданы те синтаксические и семантические связи, в которые могут вступать лексические единицы — элементы модели.

По мнению многих лингвистов, имена прилагательные обладают широкой смысловой структурой, широкой также является амплитуда их лексико-семантического варьирования. На современном этапе французского языка характерен порядок NA, где N — определяемое существительное; A — определяющее это существительное прилагательное, т. е. определяемое — определяющее. В то же время некоторые лингвисты отмечают, что в последнее время во французском языке наблюдается тенденция к употреблению прилагательного в препозиции — модели AN [5, 9]. В зависимости от своего положения (в препозиции или в постпозиции) прилагательное способно варьировать свое значение и видоизменять свою семантику.

В толковых словарях прилагательное *brave* в постпозиции, т. е. в своей нормативной дистрибуции определяется как *couourageux, orgueilleux, noble, beau, excellent*. В препозиции у него появляется иное значение, соответственно и иной ЛСВ: *honnête et bon avec simplicité*. — Il était minuit et demi, nous a raconté ce *brave homme*, je me trouvais dans le laboratoire... [10].

Для верификации семантически ведущего и зависимого элементов синтагмы воспользуемся методом элиминирования, опустим субстантивный элемент *homme*: Il était minuit et demi, nous a raconté ce *brave*, je me trouvais ... Смысл высказывания нарушен, у адъективного элемента *brave* реализовался его основной ЛСВ со значением *couourageux, orgueilleux*, что противоречит общему смыслу высказывания. Таким образом, в данной структурной модели AN — *brave homme* семантическим центром является грамматически ведущий субстантивный элемент *homme*, а семантически зависимым — синтаксически подчиненный адъективный элемент *brave*, который является лишь семантическим дополнением к субстантиву *homme*, дает ему частную характеристику — *honnête et bon avec simplicité*, в то время как существительное *homme* выполняет полную семантическую и синтаксическую (грамматическую) нагрузку. В цитируемой бинарме AN — *brave homme* отмечается совпадение семантических и структурных зависимостей.

Аналогичным образом происходит процесс лексико-семантического варьирования прилагательного *pauvre*, имеющего в нормативной дистрибуции значение «бедный» — *dépourvu ou mal pourvu du nécessaire*. В препозиции у прилагательного *pauvre* появляются многочисленные ЛСВ, значение которых определяется исключительно лексико-семантической характеристикой сочетающихся существительных: Elle tourna vers lui un *pauvre visage* aux yeux battus... Ses *pauvres ruses* m'irritaient... [4]. En toute sincérité, je ne vois rien, dans mes *pauvres efforts*, qui aurait pu justifier une telle distinction [7]. Здесь выделенные словосочетания соответствуют *pauvre visage* — несчастное лицо; *pauvres ruses* — тщетные, нелепые хитрости; *pauvres efforts* — тщетные, нелепые усилия.

В примерах с прилагательным *pauvre*, употребление которого свободно, фразеологически несвязанно, семантическим и синтакси-

ческим центром синтагмы является субстантивный элемент N, реализующий свой основной ЛСВ, в то время как прилагательное варьирует свое значение и выступает в одном из своих производных ЛСВ. Отсюда субстантивный элемент N находится в сильной семантической позиции как ведущий элемент синтагмы в семантическом и синтаксическом планах.

Подобный характер семантических и синтаксических связей отмечен в синтагмах с качественными прилагательными, для которых характерен порядок NA и AN (bon, mauvais, grand, pauvre, cher, triste, fort и т. д.).

До сих пор были рассмотрены случаи, где в силу синтагматических и семантических особенностей составных элементов модели основное семантическое указание исходило от субстантивного элемента, выступающего в качестве смыслового ядра синтагмы. Направление синтаксических и семантических связей совпадало.

Однако в сильной семантической позиции находится адъективный элемент, способный оказывать активное воздействие на семантику сочетающегося существительного. Существительное *confort* в своей семантике содержит понятие положительного качества *tout ce qui constitue le bien-être matériel*, но в минимальной синтагме NA в сочетании с прилагательным *misérable* это значение положительного качества бледнеет за счет более интенсивного семантического влияния прилагательного с отрицательной характеристикой. В данной бинарме существительное абсорбирует часть семантики прилагательного *misérable* и начинает нести значение ярко выраженной отрицательной экспрессивной оценки. *Le confort, cependant misérable, d'une chambre de bas hôtel le pénétrait profondément* [11] или *Comment traduire en langue d'aujourd'hui les sentiments de ma vie morte* [2].

Слово *vie* — «жизнь» совмещает в своей семантике субстантивное понятие признакового характера, которому присущи определенные свойства, соотносимые с понятием жизни, т. е. постоянного движения. В сочетании с прилагательным, антонимичным ему — *morte*, исчезает положительная качественная характеристика, содержащаяся в исходной семантике слова «жизнь» — *vie*.

В метафорических словосочетаниях отмечаемая обратная семантическая связь N←A возникает ввиду метафорического переосмысления существительного N: *Dans quel climat moral vivions-nous?* [3]. *Ces derniers mots avaient dû ébranler en lui la corde patriotique* [6]. *Il fut distrait de la nourriture par la très magnifique Lady Abdy, qu'il admirait depuis qu'elle avait apparu sur l'horizon parisien* [13]. *Il avait fondé l'Espoir et ça l'amenait à se jeter corps et âme dans la foire politique* [3]. В пределах данных словосочетаний субстантивный элемент N передает понятия совсем иного порядка, чем те, которые заключены в его исходной семантике, но которые на основании внутренних ассоциаций сравниваются между собой. Таким образом, первичное понятийное значение существительного N значительно ослаблено. Семантика же прилагательного A носит

более стабильный характер и по отношению к определяемому существительному оно находится в сильной семантической позиции, отсюда и иная направленность семантической связи. Например, в последней фразе слово *corde* — существительное конкретное в результате семантического влияния прилагательного *patriotique* переносится в область абстрактной значимости, выражает абстрактное понятие. Именно процесс лексико-семантического варьирования слова (у нас имени существительного) допускает сосуществование в его семантике ЛСВ с конкретной и абстрактной значимостями. Важно отметить, что оба элемента бинармы семантически дополняют друг друга, но более интенсивное семантическое влияние исходит от адъективного элемента А на субстантив N.

Иной характер направления семантических связей отмечен в другой разновидности метафорических бинарм, где под влиянием семантики субстантивного элемента варьирует значение адъективного партнера: *Si dérisoire qu'il pût être (le navire) devant la réalité tendue de ce petit monde militaire en marche à travers la nuit aveugle ... je me sentais incertain et troublé [8] ... Les grands événements des palmes s'épanouissaient plus larges au-dessus des murs aveugles [8]. ... Elle chercha d'une main aveugle ... son sac [12] ... Elle jeta sur la table un regard aveugle [3]: nuit aveugle — глухая, темная ночь; mur aveugle — глухая стена; (d'une) main aveugle — наощупь; regard aveugle — невидящий, отсутствующий взгляд.*

В цитируемых синтагмах отмечено семантическое и синтаксическое сочетание, на первый взгляд, семантически несовместимых лексических элементов. Здесь конкретным неодушевленным предметам приписываются свойства, характерные для одушевленных существ. Однако способность слов сочетаться с теми или иными партнерами в структуре не случайна, в этом плане существуют определенные закономерности. «Для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему» [с. 119]. Попробуем разложить метафорическую синтагму *nuit aveugle* на семантические составные элементы: *nuit* — *obscurité qui règne pendant la durée écoulée entre le cocher et le lever du soleil*; (*obscurité* — *absence de lumière* — «*obscurité de la nuit*»); *aveugle* — *privé de la vue, qui n'a pas vu la lumière*. Общий компонент значения у обоих элементов синтагмы — сема *absence de lumière*, что и дает повод утверждать, что выражение *nuit aveugle* является семантически верным. В приведенных бинарных словосочетаниях элемент N семантически константен, т. е. у него реализуется ЛСВ с прямым номинативным значением, выступающий в качестве основного в его структурной семантике. В то же время адъективный элемент А семантически вариативен и в зависимости от конкретной лексической выразительности субстантивного элемента реализует в синтагме НА свои производные ЛСВ с переносным метафорическим значением. В пределах анализируемых синтагм ощущается преимущественно одностороннее семантическое влияние, исходящее от се-

мантически стабильного субстантивного элемента на семантически вариативный адъективный элемент $N \rightarrow A$. Таким образом, здесь отмечается совпадение семантической и грамматической направленностей связи.

В результате исследования адъективных синтагматических моделей NA и AN приходим к следующим выводам. Поскольку языковая практика допускает употребление большинства прилагательных (в постпозиции NA и в препозиции AN), в случае употребления односложных качественных прилагательных в синтагме AN у субстантивного элемента N реализуется, как правило, его основной ЛСВ, а у прилагательного A — один из производных. Это и обусловило преимущественно одностороннее семантическое влияние, исходящее от субстантивного элемента N , который является ведущим в бинарме как в семантическом, так и в грамматическом (синтаксическом) плане.

В метафорических адъективных конструкциях, где метафорическому переосмыслению подвергается субстантивный элемент N , его адъективный партнер находится в сильной семантической позиции, т. е. он является определяющим в разграничении семантики определяемого существительного, отсюда и преимущественное семантическое влияние прилагательного на определяемое существительное. В этих синтагмах направление семантических и грамматических (синтаксических) связей не совпадает и они носят разнонаправленный характер.

В иных метафорических структурах, где метафорическому переосмыслению подвергается адъективный элемент, а семантика сочетающегося существительного носит константный характер, последнее выступает в качестве семантического ядра бинармы, находится в сильной семантической позиции. Направление семантических и грамматических (синтаксических) связей совпадает.

Итак, исследование французских прилагательных в одних и тех же синтаксических структурах подтверждает тот факт, что одна и та же модель способна вмещать в себя различные семантические структуры.

Список литературы: 1. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. — Проблемы структурной лингвистики. — М.: Наука, 1972. — 375 с. 2. Aragon L. Blanche ou l'oubli. — P.: Gallimard, 1967. — 487 p. 3. Beauvoir S. Les mandarins. — P.: Gallimard, 1954, v. 1. — 397 p. 4. Beauvoir S. Les mandarins. — P.: Gallimard, 1954, v. 2. — 359 p. 5. Boer C. Syntaxe du français moderne. — P.: Leiden, 1947, p. 222. 6. Curtis J. — L. Les forêts de la nuit. — P.: Gallimard, 1964. — 285 p. 7. Gary R. La promesse de l'aube. — P.: Gallimard, 1960. — 286 p. 8. Graco J. Le rivage des Syrtes. — P.: Librairie José Corti, 1951. — 327 p. 9. Hutchison Y. A. Le désordre des mots. La place de l'adjectif. — P.: Le français dans le monde, 1969, № 62, p. 15—23. 10. Leroux G. Le mystère de la chambre jaune. — P.: Gaston Leroux, 1960. — 258 p. 11. Mac Orlan P. Le quai des brumes. — P.: Callimard, 1927. — 179 p. 12. Rochelle D. Le feu follet. — P.: Callimard, 1931. — 269 p. 13. Triolet E. Le cheval blanc. — P.: Ed. Denoel, 1943. — 387 p.

Поступила в редколлегию 12.11.82.

**ПЕРФЕКТ И ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ
КАК АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА
(АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)**

В современной немецкой грамматике до сих пор нет единого подхода в трактовке глагольных форм перфекта и плюсквамперфекта. Они нередко исключаются из системы глагольных форм времени потому, что представляют собой не простые синтетические, а сложные аналитические формы, составные части которых (причастие и вспомогательные глаголы *haben* или *sein*) могут употребляться вне их, обладая самостоятельным значением. Особенно отчетливо данное направление представлено в трудах немецких грамматистов XIX в., однако и в настоящее время такая точка зрения на перфектные формы современного немецкого языка обнаруживается в произведениях немецких лингвистов.

Так, В. А. Жеребков отмечает: «... в свое время реакция на «латинизацию» темпоральной парадигмы ... выразилась... в отказе ряда немецких лингвистов от понятия сложной формы и в приписывании перфекту и плюсквамперфекту характеристики синтаксических конструкций... что автоматически выводит их из системы времен по структурному признаку» [4, с. 34]. Г. Пауль, сравнивая систему глагольных времен латинского и современного немецкого языка, указывает, что «заменой латинскому перфекту и плюсквамперфекту явились, отчасти, синтаксические сочетания с глаголами *haben* и *sein* в форме презенса и претеритума» [11, с. 136]. О. Бехагель, проводя параллель между индоевропейскими языками и современным немецким, пишет: «Индоевропейские языки имели четыре формы времени: презенс, футурум, временную форму рассказа, перфект для обозначения законченного действия. Из всего этого богатства немецкий язык располагает только двумя формами» (презенсом и претеритумом) [8, с. 247]. Л. Вейсгербер, предлагая вообще отказаться от традиционной лингвистической терминологии относительно временных форм, считает, что немецкий глагол не имеет четко очерченной темпоральной системы, и оперирует терминами «*erste Stammform*», «*zweite Stammform*», «*Umschreibungen mit haben*».

Критикуя стремление традиционной грамматики поставить знак равенства между шестью формами временной парадигмы глагола в латинском языке и шестью формами времени (презенс, претеритум, перфект, плюсквамперфект, футурум I и футурум II) в немецком языке, Л. Вейсгербер замечает, что в латинском языке их наличие обосновано тем, что они имеют четкое выражение в системе форм, т. е. как формы спряжения. «Нельзя, однако, ожидать,— пишет Л. Вейсгербер,— что характерные черты латинской грамматики, даже в смысле учения о форме, имеют в других языках точное соответствие... В немецком языке такого соответствия нет... Чтобы полностью получить шесть форм, нужно привлечь описательные

формы. При этом возникают трудности: правомерно ли причисление этих описательных форм к системе грамматических времен ...» [13, с. 322].

Г. Глинц, развивая учение Л. Вейсгербера, также выводит совершенные формы из инвентаря глагольных форм немецкого глагола по структурному признаку и применяет по отношению к ним термины, характеризующие обычно синтаксические сочетания *Gefüge*, *Fügung* на том основании, что вспомогательные глаголы могут иметь различные значения в составе сочетания *Gefügebedeutung*, где они значительно десемантизируются, и свое собственное лексическое значение *Alleinbedeutung* как самостоятельные полновесные лексические единицы. При этом, характеризуя совершенный, Г. Глинц отмечает, что «в любое время можно привести сочетания к их раннему состоянию, то есть к самостоятельному значению отдельных частей сочетания» [9, с. 376]. Этим Г. Глинц фактически ставит знак равенства между древневерхненемецкой посессивной конструкцией типа *phigboum habeta sum giflonzatan = einer hatte einen Feigenbaum als gepflanzen*, когда причастие было первоначально определением к дополнению, зависящему от глагола «иметь» и согласовавшемся с ним, и современной формой совершенного типа *ich habe diesen Menschen schon irgendwo gesehen*.

Необходимым условием развития аналитической глагольной формы является широкое употребление в языке в собственном значении того глагола, который входит в ее состав в качестве вспомогательного. При этом в крайне редких случаях возможно употребление вспомогательного глагола в сочетании с причастием II в своем собственном значении. Однако данное сочетание будет не аналитической совершенной формой, а синтаксической конструкцией, где вспомогательный глагол выполняет функцию сказуемого, а причастие II — определения к дополнению, напр.: *Da ward ich erst reich über alle Massen, da hatte ich ewiges Leben und den Schlüssel des Himmels geschenkt* (C. Brentano).

Исследуя совершенные формы в этом направлении, В. А. Жеребков рассматривает сочетания глагола *haben* с причастием II и разграничивает собственно совершенные формы (*das Kind hat lange im Hof gespielt*) и свободные синтаксические конструкции, «близкие к посессивной конструкции древневерхненемецкого периода, которая послужила ... исходным материалом для развития современных совершенных форм с *haben* [4, с. 35—36]. Эти свободные синтаксические конструкции в отличие от совершенных форм именуются «псевдоперфектом» и «псевдоплюсквамперфектом», напр.: *Er [Dr. Boyle] hatte noch immer ihre [Francis]; Arme umspannt und fühlte datt'es leise Beben ihrer Muskeln (Fr. Wolf); Er [Bastian] saß regungslos und hatte den Kopf in den Händen verborgen* (W. Joho). Критерием для отграничения «совершенных конструкций» от собственно совершенных форм В. А. Жеребков считает отсутствие в первых лексической опустошенности вспомогательного глагола.

Мнение о том, что совершенные формы современного немецкого

языка не являются аналитическими формами, распространено среди немецких грамматистов и находит выражение в их исследованиях последних лет. Так, Г. Хельбиг считает, что с точки зрения формы немецкий язык располагает только двумя глагольными временами: синтетическими презенсом и претеритумом. Что же касается аналитически образованных перфекта, плюсквамперфекта, футурума I, II, то «здесь еще нужно спросить себя, относятся ли они вообще к системе грамматических времен» [10, с. 29]. При этом Г. Хельбиг сравнивает употребление аналитических временных форм с тем случаем, когда тот или иной падеж немецкого языка употребляется с предлогом (ср.: *ich schreibe dem Vater einen Brief — ich schreibe den Brief an den Vater*), отмечая, что «предложные» падежи не причисляют к падежной системе немецкого языка. На основании данного сравнения Г. Хельбиг находит возможным полагать, что так называемые «сложные» формы времени в немецком языке не являются формами в собственном смысле этого слова [10, с. 30].

Однако та точка зрения, согласно которой перфектные формы современного немецкого языка представляют собой свободные синтаксические сочетания, не получила в современной германистике достаточно широкого распространения. Отчасти это заслуга советской германистики, выработавшей в 50—60-е годы критерии выделения аналитических форм. Н. Д. Арутюнова обращает внимание на то, что одним из главных факторов при разграничении аналитических форм и синтаксических сочетаний является степень утраты вспомогательными словами собственного лексического значения. Она верно отмечает, что «аналитические формы вообще выделяемы только в языках, развивших морфологические формы в качестве обязательных элементов своей структуры» [2, с. 91]. В. М. Жирмунский также рассматривает аналитические конструкции как «сочетания слов служебного и знаменательного, в которых служебное слово самостоятельно или с аффиксом знаменательного выражает грамматическое значение знаменательного слова и тем самым всей конструкции в целом» [5, с. 84]. При этом к несомненным аналитическим конструкциям В. М. Жирмунский причисляет сложные временные формы глагола, образованные с помощью вспомогательных, в том числе и перфектные формы современного немецкого языка. В 1955 г. М. М. Гухман были окончательно определены критерии выделения аналитических форм, к которым она, основываясь на материале немецкого языка, в первую очередь причисляет перфектные формы. Сущность этих критериев сводится к следующему: особая взаимосцепленность компонентов, создающая их реальную неразложимость; идиоматичность как основа этой неразложимости; охват всей лексической системы глаголов в немецком языке; включенность в систему соотносительных форм любого глагола в качестве элементов единого парадигматического ряда [3].

Немаловажен при сравнении аналитических конструкций и свободных синтаксических сочетаний также учет фонетического фактора. Аналитические формы характеризует «подчинение более сла-

«бого удара» служебного слова более сильному знаменательного...» [6, с. 24]. Преобладание безударности или слабого удара служебных компонентов аналитических форм — их характерный признак, в отличие от сильного удара компонентов словосочетания.

Приведенный обзор показывает, что, несмотря на определенные противоречия, касающиеся отнесения перфектных форм современного немецкого языка наряду с простыми синтетическими формами к системе глагольных времен, большинство лингвистов считает современный немецкий перфект сформировавшейся аналитической формой, особым типом сочетания частичного и полного слова. Очень характерным представляется в этой связи замечание В. Г. Адмони: «Главным для грамматического строя языка является не внешний облик, а внутренняя структура. И грамматисты уже несколько веков назад правильно это заметили ... введя перфект в систему немецких временных форм» [7, с. 47].

Касаясь вопроса о принадлежности перфектных форм к системе глагольных времен современного немецкого языка, важно отметить, что аналитические и синтетические формы в языке — равноправны в грамматическом отношении. Немецкий язык не оставил в виде письменных памятников закрепления тех случаев, когда перфект изначально употреблялся как аналитическая форма. В древнейших германских письменных памятниках, относящихся к IV в. (Codex Argenteus), значение нынешнего перфекта уже выражала форма германского претеритума, которая была единственной формой для обозначения прошедшего времени. В современном немецком языке древнегерманскому претеритуму соответствуют три формы прошедшего времени: претеритум, перфект и плюсквамперфект, напр.:

- 1) atberun du imma uslithan = sie brachten ihm einen Gichtbrüchigen;
- 2) usiddja unhultho us dauhtr theinai = der Teufel ist von deiner Tochter ausgefahren;
- 3) ith eis slawaiedun; du sis misso andrunnun hvarjis maists wesi = sie aber schwiegen, denn sie hatten ... gestritten wer der größte wäre.

Г. Глинц, характеризуя современный немецкий синтетический претеритум, отмечает: «Для нас сейчас важно, что сегодня формы gehen — ging или hören — hörte являются простыми, что ни один из элементов, из которых они, вероятно, были образованы в давние времена, не встречается сейчас в языке как самостоятельный знак» [9, с. 374]. Можно таким образом полагать, что древнегерманский синтетический претеритум вышел из более древней аналитической формы. То положение, что в языке существовал и существует постоянный переход аналитических форм в синтетические, и наоборот, можно подтвердить языковыми фактами из романских языков, дающих «великолепный пример развития из аналитической формы синтетической формы и замены последней новой аналитической» [1, с. 117]. Этой же точки зрения придерживается и чешский лингвист Я. Шимко, который в качестве примера берет образование будущего времени во французском языке: «Латинский язык имел синтетическую форму cantabo (эта синтетическая форма будущего

времени, кстати, также восходит к сочетанию глагола с корнем *bheu* — становиться, бывшему первоначально аналитическим сочетанием), которая в поздней латыни была заменена аналитической *cantare habeo*. В литературном французском языке эта форма дала синтетическую форму *chanterai*, которая в современном языке снова подверглась анализу: *je vais/veux chanter*. Это может служить подтверждением того, что в языке существуют определенные периодические тенденции перехода от синтетических форм к аналитическим, и наоборот» [12, с. 314].

Таким образом, анализ показывает, что в языке закономерен переход аналитических форм в синтетические, и наоборот, и что аналитические и синтетические формы, характеризующиеся грамматическим равноправием, различаются лишь в структурном плане, но не в плане содержания.

Список литературы: 1. Александров Г. М. О взаимодействии аналитических и синтетических форм. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.: Наука, 1965, с. 115—128. 2. Арутюнова Н. Д. О критерии выделения аналитических форм. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.: Наука, 1965, с. 89—93. 3. Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 322—361. 4. Жеребков В. А. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола. — Калинин: изд. Калинин. гос. пед. ин-та, 1970. — 199 с. 5. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях. — В кн.: Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976, с. 82—125. 6. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. Теоретический курс. — М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. — 420 с. 7. Адмони В. Г. Строй современного немецкого языка. — Л.: Просвещение, 1972. — 312 с. 8. Behaghel O. Deutsche Syntax. — Heidelberg: C. Winter's Universitätsbuchhandlung, 1924. — 444 S. 9. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. — Bern: Francke Verlag, 1965. — 505 S. 10. Helbig G. Probleme der deutschen Grammatik für Ausländer. — Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1972. — 145 S. 11. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd. 4. — Halle: VEB Max Niemeyer Verlag, 1957. — 425 S. 12. Simko J. On some Questions concerning the Relationship of Grammar and Vocabulary. — In.: Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. — Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1955, N 3, S. 305—315. 13. Weisgerber L. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik. — Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. — 431 S.

Поступила в редколлегию 14.06.82.

Н. А. ШЕВЧЕНКО

К ВОПРОСУ О КОМБИНАТОРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ РЕПЛИК

Характерной особенностью конститuentов диалога является «способность речевой акции вызывать речевую же акцию» [2, с. 134], т. е. потенциальная способность к диалогическому стимулированию. Предмет нашего анализа — комбинаторные характеристики побудительной реплики, обеспечивающие динамику диалога.

Реакция на побудительную реплику реализует функциональную

связь со своим речевым антецедентом, выражая принятие / неприятие точки зрения пропонента. В случае согласия адресата побуждения с мнением пропонента речевое реагирование носит факультативный характер: словесная реакция либо заменяется выполнением императивного действия, либо сопровождает / опережает адекватную поведенческую реакцию. Ср.: «And give Mother a kiss». Finished tying his sneaker lace Teddy perfunctorily gave his Mother a kiss on the cheek (J. Salinger); «Will you give me a kiss, Ramona?» Mary Jane asked again. «I don't like to kiss people» (ibid.); Billy: Well, give your Grandad a kiss, come on. Jean (She does so): It's good to see you (J. Osborne). В первом примере словесная реакция заменяется поведенческой; во втором — ответ представлен аргументацией отказа; в третьем — побудительная реплика сочетается с этикетной формулой, сопровождающей требуемую поведенческую реакцию, эксплицитная словесная реакция, выражающая согласие, типа *Gertainly, I'll kiss you* отсутствует.

Анализ исследуемого материала дает основание выделить две группы факторов, детерминирующих сочетаемость побудительной реплики с ответными репликами согласия: факторы группы А, обуславливающие необходимость речевого реагирования в случае единства точек зрения пропонента и адресата побуждения (А1 — косвенный характер выражения значения побудительности; А2 — семантика предиката исходной реплики; А3 — социально-иерархическая связь коммуникантов), и факторы группы Б, блокирующие появление реакций согласия на побудительную реплику (Б1 — эксплицитность выражения побудительного значения; Б2 — семантические характеристики исходной реплики; Б3 — психологическая установка адресата побуждения).

Фактор А1, под которым понимается имплицитный, косвенный характер оформления значения побудительности, представляется существенным регулятором потенциальной способности побудительной реплики к стимулированию положительной реакции. Анализ исследуемого материала убеждает в том, что если исходная реплика оформлена как вопросительное или констатирующее высказывание, речевое реагирование носит обязательный характер: *Constance: Nick, my neck is breaking. Nick: All right. All finished for this morning (L. Hellman); Princess: Will you let me have a word or two with Minnie? Clay: Why, of course. Come along, Fleming (W. S. Maugham)*. Реагирующая реплика нередко представлена выражением согласия, эксплицирующим коммуникативную установку пропонента. Косвенно выраженное побуждение интерпретируется адресатом по принципу *ad hominem* [1, с. 359]. Реакция такого типа, сигнализирующая о понимании стимула, информативно необходима.

Обязательность речевого реагирования в случае согласия адресата на выполнение императивного действия детерминируется и семантическими параметрами стимулирующей реплики (фактор А2). Так, высказывания с предикатами *promise* и *swear* стимулируют

реакции согласия, произнесение которых одновременно является и требуемой поведенческой реакцией: Billy: I want you to promise me. Jean: I promise you. (J. Osborne).

Экстралингвистическим фактором, вызывающим ответное реплицирование даже в тех случаях, когда оно является избыточным, так как сопровождает выполнение императивного действия, следует, по-видимому, считать социально-иерархическую связь партнеров (фактор АЗ). Более низкая социально-ситуативная роль адресата побуждения по сравнению с ролью пропонента обычно предполагает вербализацию положительного ответа: Laurie: And quickly please, if you can. Porter: Yes, sir (J. Osborne).

Одним из наиболее существенных факторов, блокирующим появление вербально оформленных реакций согласия на выполнение императивного действия, является эксплицитность, категоричность выражения побудительного значения (фактор Б1). Такие высказывания обладают незначительной потенцией к стимулированию ответных реакций согласия; словесная реакция обычно заменяется требуемой поведенческой реакцией: She said, «Don't wake Carl. Come into the kitchen» ... Billy tramped after her. (M. Spark). Особенно нагляден механизм блокирования словесной реакции, выражающей согласие, в условиях стандартных императивных ситуаций: в армейских приказах, требованиях учителя на уроке, распоряжениях судьи и т. п.: Corporal Hill: Squad, squad — shun! Stand at ease... Turning to the right — right turn! (A. Wesker). Другой фактор блокировки речевой реакции — семантические характеристики исходной реплики, ее предикатных элементов (фактор Б2). Так, если исходная реплика выражает совет и ее предикат номинирует действие, связанное с эмоциональной или мыслительной активностью, то положительная реакция адресата не получает словесного выражения: «Well, don't grieve, dearest»... The girl smiled gratefully at Fabian (I. Shaw).

Отметим и ряд ограничений на сочетаемость интерактивных ходов «побуждение — согласие», налагаемых предикатами, дистинктивным признаком которых является точечность, мгновенность выполнения императивного действия. По нашим наблюдениям, предикаты типа wake up, come in, look at детерминируют отсутствие словесных реакций согласия даже в тех случаях, когда они стимулируют адекватную поведенческую реакцию: «Wake up, Alice Dear!» said her sister... «Oh, I've had such a curious dream!» said Alice (L. Carroll).

Блокирование реакций согласия происходит и в тех случаях, когда исходное побудительное высказывание строится по формуле Don't be X; Don't do X, где X — отрицательный признак, предиктируемый адресату побуждения пропонентом. Напр.: Pip: Don't be a bastard Jock (= Don't be mean). Andrew: I'm trying to help you, idiot (A. Wesker). Блокирование реакций согласия на побуждения такого типа объясняется психологической установкой адресата побуждения (фактор БЗ), непризнанием за собой отрицательных качеств.

Анализ исследуемого материала дает основание выделить четыре основных типа побудительно-ответных ДЕ: «побуждение — согласие», «побуждение — отказ», «побуждение — информационный вопрос», «побуждение — неинформативная реакция». Побудительно-ответные ДЕ первого типа являются наиболее строго детерминированными в плане диалогической динамики.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, 40, № 4, с. 356—367. 2. Якубинский Л. П. О диалогической речи. — В кн.: Русская речь. Пг., 1923, с. 96—194.

Поступила в редколлегию 17.03.83.

А. А. ПРОКОПЧУК, канд. филол. наук

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ ВРЕМЕНИ В СОСТАВЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ОТРЕЗКОВ

Включение текста в число единиц, подлежащих лингвистическому исследованию, и появление нового раздела, грамматики текста, вызывает не только количественные, но и качественные изменения в теории грамматики. Появляется возможность не только более глубоко раскрыть сущность целого ряда явлений, проявление которых не ограничивается рамками предложения (определенность — неопределенность, прономинализация, порядок слов, актуальное членение предложения, интонация и др.), но и с новых позиций подойти к изучению простого и сложного предложения.

Вычленение и описание семантически и структурно однотипных текстов, отрезков текста открывает возможность изучать синтагматический и парадигматический аспекты предложения как цельной единицы, создает предпосылки для того, чтобы теория текста была одновременно теорией предложения в том смысле, «что обозрение сочетаемости предложений в межфразовых синтагмах должно приводить к выделению классов предложений и к представлению межфразовых синтагм в терминах этих классов» [4, с. 47]. Из этого следует, что принцип учета синтагматических и парадигматических отношений при определении природы синтаксической единицы необходимо распространить не только на словоформу, но и на предложение, в том числе и на сложноподчиненное.

Рассмотрение сложноподчиненного предложения в синтагматическом аспекте (не как самостоятельной единицы и предложения-текста), как составляющей более крупной единицы, связано с выяснением его функциональных свойств, с установлением взаимозависимости между определенными функционально-смысловыми типами отрезков текста (повествованием, описанием) и типами сложноподчиненных предложений, используемых в этих отрезках. Соотносительность с определенным типом текста у сложноподчиненных

предложений более явственна, чем у простых, так как первые представляют собой своего рода межфразовые синтагмы, блоки, создание которых ориентировано на построение более крупного целого, так что в них в большей мере, чем в простых предложениях, отражены черты целого.

Рассмотрим фрагменты повествовательных отрезков, основу которых составляют сложноподчиненные предложения с придаточными времени, вводимыми союзами *bevor*, *ehe*, *bis*. Повествовательные (нарративные) отрезки можно определить как конstituенты текста, состоящие из совокупностей пропозициональных единиц. Каждая такая совокупность выражает некую последовательность событий и характеризуется определенным модальным значением, пространственной отнесенностью, причинной обусловленностью событий, признаком временного предшествования — следования (каждое из событий можно определить как предшествующее или следующее по отношению к другим) [9, с. 306—308; 10, с. 17]. Последние два признака особенно существенны для данного типа отрезков, так как они обеспечивают динамичность, движение повествования. Эти признаки лежат также в основе противопоставленности повествовательных отрезков описательным. Так, в описательных отрезках выражены не события, а характеристики предмета, процесса. Межпропозициональным отношениям в описаниях в меньшей мере чем в повествовательных отрезках свойственен признак причинности. Несмотря на то, что описательные отрезки характеризуются временной отнесенностью, время в описании не динамично, а остановлено моментом описания. Перечисляемые в описании признаки воспринимаются как сосуществующие в одном и том же временном срезе. Естественно, что разные признаки имеют разную длительность (ср.: признаки «зардевший» и «умный»), но в задачи описательного отрезка не входит прослеживание временной длительности признаков, их смены другими признаками, состояниями. Эта задача выполняется последовательностью описательных отрезков. Например, в романе Т. Манна «Будденброки» главные герои описываются по несколько раз на протяжении развития действия.

Уже из этого краткого сравнения двух типов отрезков текста можно увидеть, что сложноподчиненные предложения с придаточными, вводимыми союзами *bevor*, *ehe*, *bis*, больше согласуются с признаками повествовательных отрезков, чем описательных. Оформление какой-то части повествовательного отрезка в виде сложноподчиненного предложения — это только одна из возможностей построения. Наряду с этой возможны разновидности, в которых данный фрагмент оформлен как два самостоятельных предложения, сложносочиненное, осложненное предложение.

Рассмотрим в каких случаях существует возможность придать фрагменту повествовательного отрезка форму сложноподчиненного предложения с названными союзами. Отдельные пропозициональные единицы А, Б, В, Г, Д ..., из которых строится повествовательный отрезок, не находятся в равных смысловых отношениях

друг к другу. Среди них есть такие, которым свойственно взаимное смысловое тяготение. Появление одной из единиц обуславливает ожидание появления другой. Например, вопрос о чем-то связан с ожиданием ответа, побуждение к действию — с выполнением действия, намерением выполнить действие и т. д. Назовем первую пропозициональную единицу исходной, вторую — сопутствующей. Для повествовательных отрезков характерно, что исходная единица имеет темпоральный показатель t_i , а сопутствующая единица — t_{i+k} . Наличие в последовательности пропозициональных единиц исходной и сопутствующей (А, Б_{ис}, В_{со}, Г, Д...; А, Б_{ис}, В, Г_{со}, Д... и т. д.) является предпосылкой формирования такой разновидности повествовательного отрезка, которая содержала бы сложноподчиненное предложение с придаточным времени, вводимым союзами *bevor*, *ehe*.

Сложноподчиненные предложения с союзами *bevor*, *ehe* образуются на основе последовательности пропозициональных единиц типа А, Б_{ис}, В, Г_{со}, Д...: 1) *Ich gab Georgie die Hand und ging in mein Zimmer. Es war dunkel. Unwillkürlich sah ich zum Fenster, ehe ich Licht machte. Dann horchte ich zu Pat hinüber* (E. M. Remarque); 2) «Nur ruhig!» sagt er zum unsichtbaren Nebenmann und geht quer übers Feld, über geschälte und ungeschälte Erde in den Wald. Er ist so breit geschwitzt, daß die Mücken ihn schon haben, bevor er den Wald erreicht (E. Strittmatter); 3) An diesem Abend hatte ich es eilig, nach Hause zu kommen, um meine Angelegenheiten mit Charlotte ins reine zu bringen ... Ehe ich das Institut verließ, schaute ich wie üblich hinunter in den Keller (D. Noll); 4) Dann zog er sich schön an, ein Sporthemd, den hellen weichen Anzug. Im Korridor vor dem Spiegel setzte er sein Hütchen auf. Doch halt, bevor er die Wohnung verließ, mußte er noch einmal zurück ins Schlafzimmer (L. Hardel); 5) «Laufen Sie schnell. Telefonieren Sie sofort an den nächsten Arzt. Wie heißt er? Wo wohnt er?» Ehe sie einen Namen nannte, schob ich sie hinaus (E. M. Remarque).

Из примеров видно, что сложноподчиненное предложение возникает на основе пропозициональных единиц Г_{со} и предшествующей ей В. При этом пропозициональная единица Г_{со} служит основой образования придаточного предложения, а В — главного. Исходная пропозициональная единица (ср.: *dunkel sein*; *in den Wald gehen*; *es eilig haben*, *nach Hause zu kommen*; *den Hut aufsetzen*; *nach dem Namen fragen*), подготавливающая появление сопутствующей единицы, основы придаточного предложения (ср.: *Licht machen*, *den Wald erreichen*, *das Institut verlassen*, *die Wohnung verlassen*, *einen Namen nennen*), остается за пределами сложноподчиненного предложения, образуя его левосторонний контекст.

Показательно сравнение данных предложений с предложениями, в которых придаточные вводятся союзами *als*, *nachdem*, *sobald*, *seit*. Такие сложноподчиненные предложения возникают на базе последовательности пропозициональных единиц типа А, Б_{ис}, В_{со}, Г, Д...: 6) *Er wankte in den Hof und fiel vornüber in einen Streuhaufen.*

Er schlief und schlief. Als er erwachte, lag er auf dem Schreibtisch in der Bürgermeisterei (E. Strittmatter); 7) Die Planken des Floßes dröhnten, er sprang aus dem Anlauf kopfüber in den Fluß. Als er auftauchte, sah er sie im Gras sitzen (D. Noll); 8) Ich setzte mich in die Fensterecke und versuchte zu schlafen. Aber in Frankfurt stieg ein Mann ... ein ... Zum Glück stieg der Mann um halb sechs Uhr aus. Als ich aufwachte, war draußen alles weiß (E. M. Remarque). В основе сложноподчиненного предложения лежат пропозиционные единицы V_{∞} и Г. И в этом случае сопутствующая пропозициональная единица служит базой образования придаточного предложения.

Таким образом, в процессе иерархизации предикативных единиц, как при образовании сложноподчиненного предложения с союзами *als*, *nachdem*, *sobald*, *seit*, так и при образовании предложений с союзами *bevor*, *ehe* единица, возникающая из сопутствующей, понижается в ранге, становится придаточным предложением [3, с. 5—13]. Это связано с тем, что придаточное предложение, называя событие и, как утверждает О. И. Москальская, по глубине и актуальности содержания ничуть не уступая главному, получает дополнительную функцию [6, с. 526]. Оно дает временную характеристику главному предложению. В зависимости от контекстных условий, типа, синтагматического варианта сложноподчиненного предложения номинативная и коммуникативная значимость придаточного может убывать и возрастать. Так, она приближается к нулю, когда придаточное предложение повторяет предыдущее элементарное предложение: 9) *Georg kam noch einmal. Ich war nicht da, als er kam* (E. M. Remarque) и мало в чем уступает самостоятельному, если названное в придаточном предложении событие опровергает ожидание, подготовленное предыдущим предложением: 10) *Und er beschloß, sich durch einen Strick ... den Tod zu geben. Eben stand er ... an einem Wandpfeiler und befestigte den Strick ... an eine Eisenklammer ..., als plötzlich der größte Teil der Stadt versank, und alles, was Leben atmete, unter seinen Trümmern begrub* (H. Kleist).

Фрагменту повествовательного отрезка, образуемому сложноподчиненным предложением с союзом *bevor* или *ehe* и соотносительным левосторонним контекстом, можно дать следующее толкование: «произошло А, Б и ожидалось (кто-то намеревался произвести) Г, но перед Г произошло еще В». Присутствие значения ожидания, намерения в содержании описываемых фрагментов проявляется в специфике модальности придаточного предложения с союзами *bevor*, *ehe*, в его отношении к называемой ситуации. Из примера 5) видно, что ситуация *sie nannte einen Namen* не имела места, она только ожидалась. В подобных предложениях одинаково возможны сказуемые типа *nannte* и типа *nennen konnte*, ср.: 11) *Überraschend fragte da der alte Gleising plötzlich: «... Ihr Schwiegersohn, wenn ich recht vermute?» Ehe ich antworten konnte, kam mir Modesta zuvor* (J. Ergenbeck). Это свидетельствует о нейтрализации

противопоставления модальных значений реальности и ирреальности в подобных придаточных предложениях. Данный тип модальности можно назвать идеографическим [1, с. 41—45] или нейтральным [7, с. 197; 3, с. 7—9].

Имело ли место событие, названное предложением с союзом *bevor*, *ehe*, узнаем не по формальным показателям модальности, а из контекста. В одних случаях этот контекст ограничивается главным предложением, действие которого мешает осуществиться действию придаточного предложения [5, с. 132], в других случаях контекст, определяющий реальность придаточного, простирается далеко вправо, и относительно редко такие контекстуальные элементы содержатся в придаточном или в зависимой от него единице: 12) «Wie war der Allgemeinzustand vorher?» In Papsts Gesicht kehrte das Leben zurück. Er schlürfte leise an seiner Kaffeetasse, ehe er antwortete: «Sie ist siebenundvierzig und treibt noch viel Sport» (D. Noll).

Рассматриваемые сложноподчиненные предложения с союзами *bevor*, *ehe* могут по-разному подвергаться операции линеаризации. Линеаризация, при которой сначала употребляется главное, а потом придаточное предложение (примеры 1, 2, 12), способствует выражению логической, концептуальной, последовательности событий А, Б, В, Г, Д..., которой соответствуют точки времени t_1 — t_5 ... Линеаризация частей сложноподчиненных предложений в примерах 3—5, 11, в которых сначала стоит придаточное, а потом главное, отражает перцептуальную последовательность А, Б (ожидаемое) Г, В, Д...; этим событиям соответствует последовательность временных точек t_1 , t_2 , t_4 , t_3 , t_5 ...

Значительно отличаются от рассмотренных выше фрагменты повествовательных отрезков, включающие сложноподчиненные предложения с союзом *bis*, хотя традиционно и сложноподчиненные предложения с союзами *bevor*, *ehe* и предложения с союзом *bis* рассматриваются как близкие на основании общего для них временного значения следования: действие в придаточном наступает после действия в главном [8, с. 517; 2, с. 360—361].

Существенным признаком фрагментов, включающих сложноподчиненное предложение с союзом *bis*, является то, что, в отличие от многих других типов придаточных предложений с темпоральным значением, здесь придаточное предложение не подготовлено левосторонним контекстом. По сравнению с придаточными, вводимыми союзами *als*, *bevor*, *ehe*, у придаточных с союзом *bis* номинативная и коммуникативная значимость выше и приближается к номинативной и коммуникативной значимости самостоятельного предложения.

Придать определенному фрагменту повествовательного отрезка форму сложноподчиненного предложения с *bis* можно в том случае, если соответствующие предикативные единицы обладают набором определенных признаков. Предложение, претендующее на роль главного, должно обладать признаком временной длительности

11, с. 45—46], который проявляется в аспектуальной характеристике глагола сказуемого, во внешних временных показателях, показателях нарастающей или убывающей интенсивности: 13) ... ich sprang los und schlug und schlug ..., bis ich zurückgerissen wurde (E. M. Remarque); 14) Anita ... bettete sie in den Korbwagen, von dem Georg lange nicht weggehen wollte, bis Anita schließlich das Licht löschte und sagte ... (E. Panitz).

Семантика придаточной единицы, претендующей на роль придаточного предложения, должна быть такова, чтобы эта единица могла ограничивать в определенной точке времени действие, называемое главным предложением. Таким образом, если в сложноподчиненном предложении с союзами *bevor*, *ehe* точкой отсчета времени служит событие как целостная единица, выражаемое придаточным предложением, то в предложениях с союзом *bis* точкой отсчета служит начальная фаза события.

Одному и тому же фрагменту повествовательного отрезка, как правило, нельзя придать и форму сложноподчиненного предложения с союзами *bevor*, *ehe* и сложноподчиненного предложения с союзом *bis*. Есть, однако, контексты, в которых нейтрализуются ограничения на употребление придаточных и с союзами *bevor*, *ehe* и с союзом *bis*, т. е. контексты, где оба вида сложноподчиненных предложений выступают как синонимы. Характерной чертой этих контекстов является наличие указания на длительный отрезок времени между событиями: *Es dauerte lange, bis/bevor/ehe; es dauerte einige Zeit, es verging eine (ganze) Weile, bis/bevor/ehe; es mußte noch wenigstens zwanzig Minuten dauern, er hatte noch mindestens zwei Stunden Zeit, ehe/bevor/bis; es brauchte lange, es währte auch geraume Zeit, bis/bevor/ehe.*

Итак, форму сложноподчиненного предложения с придаточным времени, вводимым определенным союзом, можно придать фрагментам повествовательного отрезка только в том случае, если выполняется ряд условий. Textoобразующие признаки сложноподчиненного предложения следует учитывать при характеристике отдельных типов этих образований, при объединении их в группы.

Список литературы: 1. Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербальных и деадъективных существительных. — Филол. науки, 1973, № 4, с. 38—45. 2. Арсеньева М. Г., Гасилевич Е. В., Замбрицкая А. А. Грамматика немецкого языка. Практический курс. — М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. — 436 с. 3. Богданов В. В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста. — В кн.: Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981, с. 5—13. 4. Гаспаров Б. М. Современные проблемы лингвистики текста. — *Linguistica*, Tartu, 1976, 7, с. 32—60. 5. Гулыга Е. В., Натанзон М. Д. Синтаксис современного немецкого языка. Практический курс. — М.; Л.: Просвещение, 1968. — 227 с. 6. Москальская О. И. Аранжировка предложений в тексте и проблема подчинения. — Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз., 1980, 39, № 6, с. 521—530. 7. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. — М.: Наука, 1971. — 292 с. 8. *Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.* — Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. — 699 с. 9. *Dijk T. A. van. Some Aspects of Text Grammars.* — The Hague, Paris: Athenäum, 1972. — 375 p. 10. *Dijk T. A. van, Ihwe J., Petöfi J. S.,*

Поступила в редколлегию 14.06.82.

Г. Н. ЭИХБАУМ, д-р филол. наук, Г. Г. ГАЛИЧ, канд. филол. наук

КАЧЕСТВО И ЕГО ГРАДУИРОВАНИЕ В МЫСЛИТЕЛЬНО-РЕЧЕВОМ АСПЕКТЕ

В современной лингвистике широко применяется группировка языковых единиц на основе их понятийно-содержательного и функционального сходства. Построение подобных объединений способствует постижению отношений языка, мышления и действительности и раскрытию языка как целостной системы, компоненты которой, разделяемые по иным классификационным критериям, выявляются как однонаправленные согласно этим фундаментальным показателям. В общем русле толкования языковых явлений от значения и функции к форме большую популярность приобрело выделение лексико-тематических, функционально-семантических, грамматико-лексических полей, через которые реализуется данный ракурс исследования.

В данной статье на материале немецкого языка исследуется ряд неосвещенных и спорных вопросов, связанных с выделением и трактовкой функционально-семантического поля градуирования качества (поля интенсивности или поля компаративности) — его общих понятийно-мыслительных оснований, диапазона его действия относительно слов качественной семантики, внутренней структуры и способов реализации в речи.

Функционально-семантическая ориентация в толковании градуирования, в общем, не нова для германистики, но ограничивается обычно обращением к прилагательным и родственным им наречиям, которые нередко рассматриваются в составе одного класса частей речи (назовем его классом адъективов). При этом градуирование объясняется содержательно как обозначение сравнительной меры качества, именуемого адъективом. Описание его экспонирования начинается, как правило, с морфологической категории степеней сравнения, но затем в список градуальных экспонентов включаются и средства иных типов — словообразовательные аффиксы, словосложение, сочетания адъективов с градуирующими частицами и наречиями, конструкции со сравнительными союзами, повторы самих адъективов и т. д. [27, с. 186—189; 7; 21, с. 272—275; 26, с. 197—201; 28, с. 123—127]. Как видно, в подобных изложениях предлагается расширенное понимание экспонентных потенций градуирования, выгодно отличающееся от прежнего узкоморфологического подхода к нему. Упомянутое же ограничение интерпретации градуирования классом адъективов обусловлено, очевидно, двумя главными причинами. Во-первых, тем, что ведущим частеречным

(категориальным) значением адъективов является значение качества и со сферой качества градуально-количественные характеристики сопряжены наиболее наглядно. Во-вторых, тем, что именно у адъективов исторически сложилась морфологическая категория степеней сравнения, формы которой специализированы парадигматически на выражении сравнительно-интенсивностных отношений градуальности, а морфологические категории для многих исследователей служат ядром, вокруг которого производится объединение функционально близких их разрядам языковых средств других уровней [5].

Современная тенденция к укрупненному, масштабному осмыслению явлений языка побуждает к дальнейшему развитию обобщений в области языкового градуирования, не сводимых к расширенному восприятию экспонентной стороны интенсивностного градуирования адъективов. Градуально-семантические отношения в языке являются отражением части одной из глобальных категорий действительности — категории количества, сущность которой образует «величина наличности чего-либо» [10, с. 158]. Учитывая выделяемые внутри категории количества оппозиции количества дискретного / недискретного и количества, устанавливаемого точно / приблизительно [4, с. 313; 25, с. 4; 10, с. 158—163; 8, с. 23], градуальность следует определить как вид количества недискретного, свойственного непрерывным объектам, и приблизительного, выделяемого путем сравнения данного объекта с некоторым эталоном и субъективно-объективной оценки результатов сравнения.

В сфере недискретного количества градуирование по интенсивности специфицируется тем, что оно направлено на характеристику внутренней величины (степени напряженности) различных объектов, допускающих такую дифференциацию (ср.: градуирование по экстенсивности, ориентированное на внешние границы распространения свойства в пределах членимого так объекта: *Der Saal ist ganz voll, Die Bäume sind fast völlig nackt* и т. д.). Это могут быть не только интенсивностно-количественные модификации статических качеств у их носителей, но также градуирование динамических признаков, действий по их напряженности (*gehen — laufen — rennen, arbeiten — büffeln*), градуирование побуждения по степени категоричности (*bitten — anordnen — befehlen*), градуирование по степени эмоциональности и т. д.

Недискретное количество может быть в принципе обозначено точно, если для соответствующей разновидности объектов выработаны системы измерения, через которые реализуется так называемая условная квантификация, если подобные системы мер отсутствуют или не применяются в некоторой ситуации (ср.: *zwei Liter Milch, dreißig Meter breit, zehn Jahre lang — etwas Milch, ziemlich breit, verhältnismäßig lang, а также sehr schön, nicht besonders klug, schwach leuchten, schwer leiden, große Freude, starke Liebe* и т. п.). Выражение приблизительного количества конституируется через субъективно-объективную оценку. Субъективность вытекает

здесь из способа его определения — индивидуальную оценку познающим субъектом — говорящим. Вместе с тем его оценка не произвольна, а опирается на личный и социальный опыт, связана с некоторыми объективными (закрепленными в фонде знаний данного коллектива) нормами. Оценочно-сравнительная основа приблизительной количественной характеристики отличает ее от точного числового обозначения количества как собственно объективного. Рассмотрим подробнее приблизительные градуально-интенсивностные характеристики качественных признаков.

Количество, наряду с качеством, присуще всем объектам реального и воображаемого мира. Вследствие его всеобщности исчерпывающая дефиниция качества весьма затруднительна, и понятие качества формулируется в специальных исследованиях не вполне одинаково [14, с. 340; 18, с. 34—39; 17, с. 18]. Воспользуемся как рабочим следующим его определением: «качество есть определенность объекта, выявляемая в отношениях сходства и различия с другими объектами» [17, с. 18]. Эта дефиниция соответствует положению марксистско-ленинской диалектики о том, что существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами [1]. В процессе познания качества могут абстрагироваться от их носителей и являться предметом специальных языковых номинаций. Во многих языках, в том числе в немецком, качества могут обозначаться лексемами разных классов частей речи — адъективами (А), глаголами (V), существительными (S) [11, с. 92—103; 24, с. 123—125; 8, с. 133, 155, 173; 12, с. 167; 16, с. 65], которые допустимо рассматривать как некое ономаσιологическое единство, как лексико-семантическое межчастеречное поле качества. К нему принадлежат слова типа grün, groß, warm, froh, interessant, schön, grünen, vergrößern, erwärmen, (sich) freuen, (sich) interessieren, verschönern, das Grün, die Größe, die Wärme, die Freude, das Interesse, die Schönheit, das Schöne и т. п. Соответственно выражение интенсивностных модификаций возможно при представлении качества не только адъективами, но и другими частями речи; в лингвистической литературе это явление отмечено лишь фрагментарно [применительно к немецкому языку см. работу 29].

Положение качественных слов разной частеречной принадлежности в их общем семантическом поле различно. Разницу можно объяснить, исходя из того, что значение слов складывается из эмпирических и категориальных компонентов [8, с. 173—174]. В качественных А эти компоненты непосредственно соответствуют друг другу, и А функционируют характеризующе в сочетаниях с названиями носителя качества — существительными или глаголами; в атрибутивной связи с субстанциональными словами А передают статическое качество, в предикативной связи А, соединяясь с копулятивными глагольными элементами, воплощают качества как временное состояние, как процесс проявления. В V эмпирическое значение качества осложняется категориальной семантикой про-

цессуальности, *V* сами выражают динамическое качество, как процесс его проявления, у носителя, приобретения, утраты, придания объекту и т. д. Основным критерием качественности для *V* следует, по-видимому, признать словообразовательную и (или) семантическую соотнесенность с *A*: *grünen* ← *grün sein*, *sich freuen* ← *froh sein*, *erkranken* ← *krank werden*, *erwärmen* ← *warm machen* и т. д. Среди качественных слов *V* ближе к *A*, чем *S*, ибо функционально *A* и *V* — характеризующие слова с призначным статусом [8; 6]. Качественные *S* наиболее далеки от центра поля, так как, обладая субстанциональным грамматическим значением, они представляют качество не как характеристику, а как характеризуемое, «самостоятельный предмет мысли»: *Die Frau ist schön* → *die Schönheit der Frau*, *Er interessiert sich dafür* → *sein Interesse dafür* [23, с. 263; 15, с. 64].

Нужно также отметить различные возможности *A*, *V* и *S* к качественной номинации разного уровня обобщения. Родовые классификационные значения [9, с. 129] воплощаются здесь через гиперонимические *S* и иногда *V*: *Form*, *Ausmaß*, *Farbe*, *Temperatur* < *kalt*, *lau*, *warm*, *heiß* и т. д.; *sich fühlen*, *sich verhalten* (zu jemandem) < *<lieben*, *hassen* и т. д. Видовые качества воплощаются словами всех трех частей речи и могут быть большей частью во всех трех случаях градуированы по интенсивности (градуируемость *A* зависит от характеризующей / специфицирующей функции *A* в сочетании с обозначением носителя качества [о различии этой функции см. : 20; 2, с. 237; 6, с. 12]; ср.: *ein fast neues Kleid* — *neues Leben*, *gläserne Vase* — *etwas gläserne Stimme*, *deutsche Soldaten* — *das deutscheste Mädchen der Stadt*).

Как показывает анализ текстового материала немецкой художественной литературы и публицистики, в речи интенсивностное градуирование во много раз частотнее, чем обозначение точной меры качества, даже если последнее потенциально возможно (ср.: *Mein Koffer ist 15 Kilo schwer* — *Mein Koffer ist sehr schwer*). Следовательно, градуирование — способ определения степени качества, прагматически вполне достаточный для повседневного общения, несмотря на его приближенность.

Мыслительно-речевая операция градуирования заключается в том, что говорящий сравнивает данный объект — носитель выделяемого качества с другим конкретным носителем или со всем известным ему классом потенциальных носителей того же качества и приблизительно оценивает итоги сравнения, устанавливая меру интенсивности качества у данного объекта в относительном или абсолютном плане. Важна постоянная мыслительная связь градуирования по интенсивности со сравнением, являющимся одним из наиболее действенных путей познания, а также постоянная его причастность к широкой сфере оценки, нередко упускаемая из вида [13].

В языке относительные градации качества выражаются совместно со сравнением, что дает повод для толкования именно их как

компаративных] в виде суждения с двухместным предикатом больше ($>$), меньше ($<$), равно ($=$) [17, с. 25]. Эталон сравнения обычно выбирается из элементов отображаемой ситуации, вариативен и так или иначе эксплицируется в речи, ср.: подобный вид градуирования в предложениях с качественными словами различных грамматических классов: *Es ist heute ebenso warm wie gestern / wärmer als gestern / nicht so warm wie gestern*; *Anna ist ebenso schön wie ihre Schwester / schöner als ihre Schwester / weniger schön als ihre Schwester* / *Anna ist das schönste Mädchen der Stadt*; *Diese Arbeit ist für mich ebenso interessant / interessiert mich ebenso wie jene (wie früher) ... ist für mich interessanter / interessiert mich mehr als jene (als früher), ist für mich weniger interessant / interessiert mich weniger als jene (als früher), Sein Interesse für diese Arbeit ist ebenso groß wie für jene (ist jetzt ebenso groß wie früher) ... ist größer / ist geringer als für jene (als früher), Sein Interesse für diese Arbeit wächst (nimmt zu) / läßt nach (erlischt)* и т. д. Как видно, относительные градации качества отражают его количественное соотношение у разных отдельных носителей или у одного, но в разных пространственно-временных условиях.

Абсолютные градации качества образуют фундаментальный уровень градуирования. Они также сравнительны по сути, хотя и выражаются, как правило, без специальных маркеров сравнения. Эталоном для мыслительного сравнения здесь является такая степень качества, которая известна коммуникантам определенного коллектива как наиболее обычная для данного класса объектов [22, с. 100—103; 19, с. 282—283; 3, с. 74; 6, с. 60]. Этот эталон входит в фонд «контекста культуры», и свойство узуальности относительного постоянства обеспечивает его нормативный характер (эмпирическая норма — N). В сравнении с N в непрерывности реального качества выделяются условные понятийные участки средних степеней ($\approx N$), высоких и очень высоких степеней ($> N$, $\gg N$) и низких или очень низких степеней ($< N$, $\ll N$).

Разумеется, величина N лишь релятивно-константна и неодинакова для разных классов объектов (ср.: *ein langer Tisch* — *eine lange Straße*). Она меняется под влиянием исторических и социальных факторов, возможны территориально и профессионально закрепленные N (ср.: *'ein warmer Tag'* на севере и на юге, *'eine schwere Aufgabe'* для ребенка и взрослого). N бывают также более объективными (для веса, длины, объема, допускающих проверку измерением) и более субъективными (для абстрактных качеств типа красота, ум; для качеств, связанных с индивидуальными ощущениями — вкусовыми и т. п.). Все это не меняет в принципе эталонного положения N .

Языковая реализация абсолютных градаций качества осуществляется примарно через выбор говорящим конкретной лексемы из соответствующей лексической парадигмы квалитативных A , V и S . Такая лексема N_n называет не только качество, но и ту или иную его меру, отнесенную к другим составляющим парадигмы. Эту от-

несенность можно представить в виде линейной шкалы: kalt — kühl — lau — warm — heiß; winzig — klein — mittler — groß — riesig; Beklemmung — Bangigkeit — Angst — Furcht — Grusel — Grauen — Entsetzen и т. п.

Далее градуальное содержание наличной квалитативной лексемы N_n может подвергаться секундарному абсолютному градуированию, благодаря которому значительно возрастают потенции отражения различных отрезков в непрерывности действительного качества. Экспонирование секундарного градуирования не изоморфно воплощаемым вещественным отношениям — один его тип, в котором используется даже одно и то же средство, может по-разному соотноситься с N ; ср.: sehr groß $> N_n$ ($>$ groß), sehr klein $> N_n$ ($>$ klein) — sehr groß $\gg N$, но sehr klein $\ll N$.

Относительные градации качества лишь проецируются на шкалу абсолютных градаций, подвижны в этих проекциях и могут, особенно у A , локализоваться в разных ее участках. Так, größer / kleiner манифестируют лишь направление движения по шкале в ту или другую сторону, их вещественное декодирование зависит от наличия сведений об абсолютной величине качества у привлекаемого окказионального эталона сравнения.

Итак, границы действия функционально-семантического поля (ФСП) градуирования качества по интенсивности нужно признать гораздо более широкими, чем это делается во многих описаниях. Содержательная сторона этого ФСП обладает иерархической структурой, базис которой — первичное абсолютное градуирование. Однако, соглашаясь со сравнительным характером и данного вида градуирования, а также опираясь на системное толкование лексики в современном языкознании, следует оценить и формы позитива A как включенные в градуальное сравнение — они члены не только грамматической парадигмы степеней сравнения, но и лексической парадигмы.

Как показывает фактический материал, не все сегменты ФСП градуирования качества представлены в речи с одинаковой частотностью. Например, при секундарном градуировании отношения $>$ $> N_n$ и особенно отношения $>$ в рамках относительного градуирования выражаются гораздо чаще, чем отношения $<$ $< N_n$ и относительного $<$. В этом можно усмотреть некоторую психологическую обусловленность. По-видимому, человеку более свойственно преувеличивать, чем преуменьшать, отношения $>$ кажутся более эффективными с точки зрения самовыражения и воздействия на слушателя, они чаще связаны с положительными коннотациями.

Средства выражения градуирования качества по интенсивности в немецком языке многочисленны и многообразны. Частично они уже описаны в отдельных частных исследованиях. Необходима их последовательная систематизация, которая может быть лишь схематично намечена в рамках данной статьи. Рассматривая градуирование в мыслительно-речевом аспекте, следует различать отнесен-

ность их к примарному / секундарному этапу выражения. Примарный этап образуется выбором из соответствующего семантикотематического поля той или иной лексемы N_n , называющей качество с определенной количественной характеристикой в отнесенности к N . Секундарный этап градуирования — детализация градуального содержания N_n как его усиление или ослабление — реализуется через сочетания N_n со специальными компонентами в аффиксальных образованиях или сложных расчлененных номинациях. Содержательная общность качественных A , V и S порождает существование в языке целого ряда межкатегориальных средств секундарного абсолютного градуирования. В области расчлененных номинаций таковы, в частности, парадигматические показатели степени *äußerst*, *außerordentlich*, *besonders*, *ziemlich*, *maßlos* и т. д.; количественные прономинативы *etwas*, *(ein)wenig*, *ein bißchen*, *viel* и т. п.; синтагматические показатели *tief*, *stark*, *furchtbar*, *schrecklich*, *leicht*, *schwach* и др., исходное качественное значение которых трансформируется в количественное под семантическим влиянием господствующей качественной лексемы. Наряду с этим наблюдается и специализация средств вторичного абсолютного градуирования, обусловленная частеречным классом N_n , причем призначные A и V более взаимосходны, а субстанциональные S отличны здесь от A и V . Например, A и V часто сочетаются с *sehr*, для S оно не применяется, зато возрастает частотность употребления *viel*. При A и V градуальные показатели выступают в адвербиальном варианте, при S — в адъективном. Кроме того, у S развиваются особые средства вторичного градуирования за счет переосмысления размерных прилагательных ряда *groß/klein* (*große Sorgfalt*, *große Güte*, *kleiner Ärger*, *winzige Schwäche*); парадигматически / синтагматически количественных существительных (*eine Menge Glück*, *ein Stückchen Unabhängigkeit*) и за счет семантической модификации морфологического разряда множественного числа, используемого для передачи высокой степени качества (*Schmerzen*, *alle Tiefen der Reue*). Специфичность A на фоне близости к V сопряжена главным образом с элятивным употреблением компаратива.

Близость средств выражения относительного градуирования для A , V и S базируется на вовлекаемости их в синтаксические построения со значением сравнения и применении сходных маркеров равенства / неравенства (*gleich*, *mehr*, *weniger* и т. п.). Яркая специфичность A в этой области создается их морфологической категорией степеней сравнения. При S в позиции подлежащего как специфическое средство относительного градуирования выступают предикаты с синтагматически обусловленной семантикой количественного изменения качества, в частности V нарастания / убывания (*wachsen*, *steigen*, *sich heben*, *zunehmen*, *sich legen*, *nachlassen* и др.). Имеются различия между A и S и в 'точке отсчета' для отношений $>$ и $<$. Сравнительный компаратив A выражает в речи меру качества, не обязательно превышающую градуальное содер-

жание той же лексемы в позитиве; напротив, для актуализации данного значения он нуждается во внешнем подкреплении; ср.: *Es wird heller* + *Früher war es nicht hell / dunkel*, *Langsam wurde ich ruhiger* + *Ich war aufgeregt* — *Gestern war es kalt*, und heute ist es *noch kälter*. Построения же с S типа *Die Dunkelheit wächst*, *Meine Aufregung legt sich allmählich implizieren исходное наличие качества, именуемого позитивом соотносительного A: Die Dunkelheit wächst* + *Es war dunkel* + *Es wird noch dunkler*, *Meine Aufregung legt sich* + *Ich war aufgeregt* + *Ich werde nicht so sehr aufgeregt / ruhiger*.

Таким образом, линии характеристики ФСП градуирования, примененные выше к материалу немецкого языка, приложимы и к другим родственным языкам, т. е. могут быть использованы для раскрытия межязыковых универсалий.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 339—626. 2. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 294 с. 3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — М.: Наука, 1974. — 368 с. 4. Бодуэн де Куртене И. А. Количественность в языковом мышлении. — В кн.: Избранные труды по общему языкознанию. М.: Наука, 1963, т. 2, с. 311—324. 5. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. — Л.: Наука, 1978. — 176 с. 6. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. — М.: Наука, 1978. — 200 с. 7. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М.: Просвещение, 1969. — 184 с. 8. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, 1972. — 216 с. 9. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. — М.: Наука, 1981. — 200 с. 10. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. — М.: Наука, 1977. — 288 с. 11. Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Учпедгиз, 1956. — 511 с. 12. Ревзин И. И. Скрытые категории в грамматике и словообразовании современного немецкого языка. — Науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца, 1975, вып. 91, с. 166—171. 13. Рсалдинов К. Т. Категория интенсивности признака в современном немецком языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. — М., 1980. — 27 с. 14. Спиркин А. Г. Происхождение сознания. — М.: Госполитиздат, 1960. — 471 с. 15. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. — М.: Наука, 1981. — 360 с. 16. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. — М.: Высш. школа, 1978. — 259 с. 17. Тимофеев И. С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». — М.: Наука, 1972. — 216 с. 18. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 184 с. 19. Bierwisch M. Einige semantische Universalien in deutschen Adjektiven. — In: H. Steger. Vorschläge für eine strukturelle Grammatik des Deutschen. — Darmstadt, 1970, S. 269—318. 20. Frei H. Caractérisation, indication, spécification. — In: For Roman Jakobson. — The Hague, 1956, p. 161—168. 21. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. — Leipzig, 1972. — 629 S. 22. Leisi E. Der Wortinhalt. — Heidelberg, 1961. — 132 S. 23. Porzig W. Die Leistung der Abstrakta in der Sprache. — In: Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik. — Darmstadt, 1965, S. 255—268. 24. Sapir E. Language. An introduction to the study of speech. — N. Y., 1921. — 258 p. 25. Sapir E. Totality. — Language monographs, 1930, N 6. — 28 p. 26. Schendels E. Deutsche Grammatik. — M.: Vyssaja škola, 1979. — 397 S. 27. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. — Berlin, 1966. — 323 S. 28. Sommerfeldt K. Einführung in die Grammatik und Orthographie der deutschen Gegenwartssprache. — Leipzig, 1981. — 304 S. 29. Susčinskij I. I. Intensivierungssätze in der

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

С. Т. НАВАЛЬНАЯ, Л. Н. ЧЕРНЯК, А. А. ВЕЛИЧКО

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Вопрос повышения качества преподавания иностранных языков в неязыковом вузе по-прежнему остается важной задачей методики преподавания. При всем многообразии путей его совершенствования все настоятельнее возникает потребность установок, адаптируемых к внешним условиям и потребностям общества, т. е. к реальным условиям в рамках современной структуры высшей школы и сложившегося на сегодня социально-экономического заказа на специалиста с заданным перечнем качеств его подготовки.

И не случайно в методической литературе красной нитью проходит идея интенсификации учебного процесса, идея повышения эффективности на единицу затрат учебного времени. На этом пути менее пригодными становятся стратегии «побуквенного», расчлененного, поаспектного обучения иноязычной речи и особую актуальность приобретает выработка общих установок, научных подходов, учитывающих особенности и возможности психоинтеллектуальной деятельности человека вообще [1] и общественный заказ на качество специалиста в частности.

Рассмотрим одну из проблем комплексной учебно-методической системы, которая вписывалась бы, во-первых, в существующие рамки обучения иностранным языкам в вузе и, во-вторых, в наметившие себе пути и вышедшие на уровень республиканского использования так называемые учебно-методические комплексы дисциплин [2], призванные обеспечивать планомерное повышение эффективности подготовки специалистов для народнохозяйственных и культурных нужд развитого социалистического общества.

Одним из немаловажных требований, предъявляемых к подготовке молодого специалиста, является владение иностранным языком в такой мере, чтобы он мог извлечь из иноязычной специальной литературы необходимую информацию для нужд его практической деятельности, что четко сформулировано в качестве основной цели обучения в программе Минвуза СССР (1974 г.).

Исследуем одну из важных проблем внешнего обеспечения учебной деятельности студентов, изучающих иностранный язык в не-

языковом вузе. Массовость обучения иностранному языку в вузах страны требует унификации форм учебной деятельности, гарантирующей интенсификацию обучения.

Нами была сделана попытка создать такого рода унифицированные формы программ, управляющих интеллектуальной учебной деятельностью студентов в процессе обучения. Говоря о программах, мы не имеем в виду программированное обучение [3, 4], т. е. не рассматриваем процесс как замкнутую систему управления учебным процессом, где роль преподавателя приравнивается к машине и является чисто вспомогательной. Совершенно закономерна та ведущая роль, которую отводит преподавателю вузовская система образования. Активный преподаватель — носитель не только нужной информации по дисциплине, но и «генератор постоянного психологического возбуждения и активности» [1] учащихся, что всегда сопровождается живостью восприятия и высоким качеством усвоения.

Из предложенных сторонниками программированного обучения четырех принципов мы используем только два: максимальную активизацию учащихся в процессе обучения и рациональное построение учебного материала и методически обоснованное его расчленение. Такой подход к задачам обучения иностранным языкам и их реализации дает широкие возможности для создания частных унифицированных микропрограмм в цепи целого комплекса учебно-методического обеспечения обучения иностранным языкам в условиях неязыкового вуза.

В качестве иллюстративного материала, демонстрирующего подход к созданию одной из таких частных методик-программ, используемых в преподавании на кафедре английского языка Харьковского госуниверситета, приведем соображения относительно места и роли реферирования как средства обучения в преподавании иностранных языков, а также ознакомим с общей структурой дидактического материала, обеспечивающего раскрытие обучающего характера реферирования при обучении иностранному языку в неязыковом вузе.

Реферирование в неязыковом вузе определяется как вид речевой деятельности, направленный на передачу основного содержания сообщения средствами другого языка, а следовательно, представляет собой сложный процесс, который складывается из слухового или зрительного восприятия, осмысления и компрессии содержания текста и основан на творческом осмыслении языкового материала, так как процесс речеобразования — прежде всего реализация развертывающей способности мозга «понимать то, что надо сказать», а затем уже укладка речевых образцов в концептуальные модели [5—7]. Поэтому реферирование способствует преодолению пословной, пофразовой переработки текста, которые являются барьером на пути к целостному пониманию, с одной стороны, и условием речепорождения, с другой. Реферирование способствует вовлечению всех учащихся в деятельность, имеющую высокую степень

мотивации, через которую они почти произвольно овладевают просмотровым чтением, грамматическими и лексическими моделями. Реферирование уводит от примитивного пересказывания текста, так как из «чужой» речи в долговременную память заимствуются языковые средства, а композиция и логическая последовательность высказывания являются продуктом мыслительной деятельности самого говорящего. Кроме того, этот вид деятельности (при возложении контроля за смыслом высказывания профессионального содержания на самих обучающихся) снимает существующую сложность, заключающуюся в том, что преподаватель иностранного языка, не являясь специалистом в области проблем, затрагиваемой научной статьей, имеет ограниченные возможности стимулировать и создавать речевую ситуацию на основе проблемных вопросов по содержанию текста.

В этой связи обучение реферированию целесообразно начинать на первом же этапе обучения в неязыковом вузе в тесной взаимосвязи с аудированием, чтением и говорением, но только в тот момент обучения, когда учащиеся имеют уже определенный уровень сформированности навыков аудирования, чтения и говорения. Введение этих видов речевой деятельности необходимо как база для формирования навыков реферирования, особенно в устной форме. Наиболее эффективно введение аудирования, чтения и говорения при условии их тематической общности, в отличие от существующей практики, при которой каждому виду речевой деятельности соответствует разный текстовый материал.

Таким образом, подготовка к реферированию, как виду речевой деятельности, начинается с аудирования, когда обучающиеся имеют навыки не только вербального восприятия, но и фрагментарного [8], т. е. могут распознавать как слова, так и отдельные части текста. Аудирование позволяет привести в движение опыт (знание) студентов, приобретенный ими ранее по теме текста, близко связанного с приобретаемой ими специальностью. Происходит апперцепция, которая облегчает смысловое восприятие. Если же тема не связана с ранее приобретенными знаниями, предварительно сообщается тематика, область науки, которой посвящен текст, предлагаемый для аудирования. Такой прием также облегчает смысловое восприятие на слух на первых этапах обучения: у учащихся формируется тематическая направленность и предметная соотнесенность [9], способствующие возникновению концепции, в рамках которой будет происходить поиск смысла при последующем чтении текста, тематически связанного с аудируемым материалом для достижения высшего «текстового» уровня понимания (более или менее законченных частей и целого текста), как результат завершения формирования умений перехода от значений «островков смысла» к интегральному коду смысла, образующему сплошное текстовое поле [8].

Обучая навыкам реферирования, одновременно закладываются навыки подготовленного монологического высказывания, так как

алгоритм операций, необходимый для работы над текстом, подлежащим реферированию, совпадает с основными требованиями к подготовленному монологическому высказыванию, вытекающими из структурной характеристики устного монолога [10], ибо реферат обладает всеми характерными чертами монологического высказывания [11]. Единство содержания, самостоятельное значение, замкнутость синтаксической структуры и законченность ритмико-тонационной оформленности может служить своеобразным мостиком, который подводит к естественному речеполноценному скорее чем накапливаемым в памяти отдельные предложения — речевые образцы.

Таким образом, высокий обучающий потенциал реферирования в условиях неязыкового вуза и его использование с первого этапа обучения обеспечивает целенаправленное комплексное обучение основным навыкам речи — чтению, говорению, пониманию на слух и реферированию, обеспечивающих извлечение необходимой информации о состоянии развития науки и техники за рубежом, необходимых для практической деятельности специалиста.

Комплексный подход к обучению основным навыкам речи предусматривает разработку дидактического материала в виде системы формализованных правил — программ для каждого этапа обучения с последовательным усложнением заданий по следующей схеме: аудирование текста, близкого по тематике с текстом для чтения; выполнение дотекстовых упражнений, способствующих целостному пониманию текста;

выполнение заданий по тексту после его прочтения для достижения наиболее полного, целостного его понимания;

выполнение послетекстовых упражнений для подготовки к составлению и оформлению собственно реферата и закрепления навыков подготовленного и неподготовленного монологического высказывания по специальности.

В дальнейшем предполагается создание системы формализованных программ для каждого этапа обучения с учетом специфики специальностей с последующим экспериментальным их апробированием.

Список литературы: 1. Аракин В. Д. Речевая единица — основа обучения речи. — В кн.: Вопросы обучения устной речи и чтению на иностранном языке в восьмилетней школе. М.: Просвещение, 1965, с. 7—17. 2. Бенерджи Р. Теория решения задач. Подход к созданию искусственного интеллекта. — М.: Мир, 1972. — 224 с. 3. Бухбиндер В. А., Бессонова И. В. Об учете структурных особенностей текстового материала при обучении чтению и аудированию. — Иностр. яз. в высш. школе, 1980, вып. 15, с. 17. 4. Запороженко А. П. Обучение устной подготовленной монологической речи на I курсе факультета английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1971. — 26 с. 5. Очерки методики обучения чтению на иностранных языках. — Киев: Вища школа, 1977. — 176 с. 6. Проблемы управления интеллектуальной деятельностью. (Психозвист. программирование). — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 368 с. 7. Талызина Н. Ф. Теоретические проблемы программированного обучения. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — 133 с. 8. Skinner B. F. The Science of Learning and the

Поступила в редколлегию 01.10.82.

В. Г. ПАСЫНОК

О КРИТЕРИЯХ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Цель данного исследования — выявить объективные критерии относительной и абсолютной грамматической сложности текста, используя методы теоретического анализа учебного текста, выборочного статистического анализа характерных затруднений его усвоения студентами, а также методы математической статистики и статистических критериев проверки гипотез.

Применение методов математической статистики в педагогических исследованиях в настоящее время убедительно обосновано [1—5]. С помощью указанных методов было изучено понятие сложности по отношению к единицам грамматических (морфологических) признаков, полагая, что сложность — объективная характеристика учебного текста, зависящая от числа входящих в него грамматических признаков. Связанное с этим понятие «трудность» — частично объективная характеристика из-за сложности учебного текста и уровня навыков студентов. Может быть поэтому часто трудность усвоения учебного материала по иностранному языку рассматривается как сугубо субъективная характеристика, определяемая только уровнем языковой подготовки студентов. Рассматривая языковую трудность с этих позиций, мы пришли к выводу, что для ее оценки принципиально невозможно применение критериев нестатистического характера, которые не являются результатом усреднения индивидуальных оценок студентами трудностей конкретного учебного текста. Поэтому целесообразнее рассматривать трудность как сложный параметр, имеющий не только субъективный, зависящий от студентов компонент, но и объективный. Раскроем предпосылки этой возможности.

Для определения объективной трудности учебного текста необходимо сначала оценить систему языковых элементов, которая включена в текст. Нас, в первую очередь, интересуют критерии оценки именно этой системы, имея в виду, что система — это «множество» элементов, находящихся в отношениях (связях) друг с другом и образующих определенную целостность, единство [6]. Исходя из этого, учебный иностранный текст можно рассматривать как систему грамматических единиц, связанных определенными взаимоотношениями друг с другом.

Поэтому при анализе понятия «сложность» целесообразно, как это принято в теории систем [7], рассматривать его как совокупность двух компонентов: сложность состава и сложность организа-

ции. Первый компонент зависит от числа языковых элементов, входящих в учебный текст (знаков в слове, определенных, неопределенных и слитных артиклей, существительных-подлежащих, существительных-дополнений, местоимений, наречий и т. д.). Второй зависит от количества и качества связей между языковыми элементами (разнообразие предлогов, придаточные предложения, союзы).

Подобный подход к проблеме сложности учебного текста диктуется возможностью количественного определения каждого из указанных компонентов, чтобы, согласно Программе обучения иностранным языкам для неязыковых специальностей вузов учебные пособия по иностранным языкам (с учетом школьной подготовки) были посланы для усвоения грамматического материала и общепотребительной лексики изучаемого иностранного языка. Только в этом случае возможно сформировать у студентов основные навыки чтения и речи, являющиеся базой для дальнейшего обучения.

Научное исследование проблемы сложности учебного текста проводилось в два этапа: эмпирический и теоретический. Эмпирический этап исследования включает: получение экспериментальных данных путем сбора их из достоверных источников (такими источниками являются учебники французского языка для высших учебных заведений); классификация экспериментальных данных по конкретному грамматическому признаку; эмпирическое обобщение, выявление грамматической сложности текста каждого рекомендованного учебного пособия или учебника.

Теоретический этап исследования включал вычленение существенных грамматических признаков, которые могут служить элементами, определяющими сложность учебного текста. Достоверность различий учебных пособий (учебников) по трудности (сложности) текстов была установлена с помощью известного параметрического критерия Стьюдента:

$$t = \frac{|\bar{F}_1 - \bar{F}_2|}{\sqrt{\frac{\sigma_1^2}{n_1} + \frac{\sigma_2^2}{n_2}}},$$

где $\bar{F}_1$ — среднее значение признака для I группы текстов; $\bar{F}_2$ — среднее значение признака для II группы текстов; σ_1 — среднее квадратичное отклонение признака в I группе текстов; σ_2 — среднее квадратичное отклонение признака во II группе текстов; n_1 — количество текстов I группы; n_2 — количество текстов II группы.

Таким образом, любой учебный текст можно рассматривать как систему языковых взаимосвязанных элементов. Сложность учебного текста представляет собой совокупность следующих компонентов: сложность грамматического состава и организации (построения) предложения, сложность количественная и качественная. Критерий сложности организации (построения) предложения определяется количеством и качеством связей языковых элементов в учебном

тексте; критерий качественной сложности определяется качеством языковых элементов учебного текста; критерий количественной сложности определяется количеством языковых элементов.

Итак, в принципе возможно создать шкалу сложности учебного текста, которая позволит совершенствовать учебную деятельность студентов по изучению иностранного языка. Рассматриваемые критерии позволяют решить задачу корректного отбора (составления) учебного текста с точки зрения оптимального соотношения между его трудностью и количеством времени, отводимым на его усвоение.

Список литературы: 1. Архангельский С. И., Михеев В. И. О моделировании и методике обработки данных педагогического эксперимента. — М.: Высш. школа, 1976. — 199 с. 2. Воловик П. М. Теорія імовірностей і математична статистика в педагогіці. — К.: Рад. школа, 1969. — 222 с. 3. Гласс Д., Стенли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. — М.: Прогресс, 1976. — 495 с. 4. Ильина Т. А. Вопросы теории и методики педагогического эксперимента. — М.: Знание, 1975. — 123 с. 5. Ительсон Л. Б. Математические и кибернетические методы в педагогике. — М.: Просвещение, 1964. — 243 с. 6. Зорина Л. Я. Дидактические основы формирования системности знаний старшеклассников. — М.: Педагогика, 1978. — 93 с. 7. Система. — В кн.: БСЭ, изд. 3-е, 1976, т. 23, с. 463.

Поступила в редколлегию 09.11.82.

В. А. УЖИК

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ КОНТРОЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Психологи считают, что с возрастом у обучающегося увеличивается потребность в точном контроле процесса и результатов обучения [1, с. 576]. Поэтому не удивительно, что вопросам контроля учебного процесса уделяется большое внимание в педагогической и методической литературе: определяются виды и формы контроля; в практике широко используются тестирование, машинный и безмашинный контроль в сочетании с традиционными формами; в основном предметом контроля является качество знаний, т. е. результат обучения.

Наряду с этим в научно-методической литературе слабо освещен вопрос контроля процесса самостоятельной работы студентов. В работах Н. Н. Ржецкого говорится о необходимости расширения функций контроля, так как понятие «контроль знаний» узкое и не охватывает сущности требований к подготовке студентов. Контролировать надо не только знания, но и самостоятельную работу студентов [2, с. 68]. Но как практически осуществить выполнение этого требования — остается неясным. Поэтому наша задача — рационализировать формы контроля внеаудиторной самостоятельной работы студентов.

Цель исследования состоит в создании системы контроля знаний, умений и навыков по определенному предмету; процесса формирования навыков самостоятельной работы; затрат времени на самостоятельную работу, а также форм и методик проведения данных видов контроля.

При разработке форм и методов контроля знаний исходим из известных положений о контроле знаний, сформированных на нескольких уровнях [3]. В работе И. Я. Лернера речь идет о трех уровнях усвоения материала: *первый уровень* состоит в осознанном восприятии информации и запоминании ее, т. е. фиксации в памяти, и проявляется в опознании воспринятого или воспроизведении знаний о нем (для процесса обучения этот уровень неизбежен, но недостаточен); *второй уровень* представляет собой усвоение способов применения знаний по образцу, включая легко опознаваемые изменения этого образца; *третий уровень* состоит в готовности обучающегося творчески применять усвоенную информацию в новой ситуации, т. е. уровень осознания внешних и внутренних связей изученного явления.

На основе изложенного выделим следующие уровни усвоения материала в ходе внеаудиторной самостоятельной работы студентов по изучению иностранного языка на неязыковых факультетах: уровень узнавания изученного явления; уровень понимания этого явления; уровень практического применения знаний в речевой деятельности на иностранном языке.

В этой связи процесс контроля также можно разделить на несколько этапов, взяв за основу классификацию А. И. Хесина [4]: первый этап — проверка знаний на уровне понимания; второй этап — проверка умения использовать эти знания; третий этап — проверка творческого проникновения в содержание информации; четвертый этап — проверка логики мышления, общего кругозора обучающегося.

Для осуществления контроля каждого из указанных уровней по данным этапам выбираются соответствующие формы контроля. Если на первых двух этапах можно использовать стандартизированные средства контроля, то контроль третьего и четвертого этапов доступен только человеку. Поэтому при контроле знаний, умений и навыков нельзя ограничиваться какой-либо одной формой контроля, а необходимо использовать различные его формы в зависимости от того, какой уровень проверяется. Исходя из этого, считаем целесообразным использовать тестирования для проверки знаний, сформированных на втором и первом уровнях, а для проверки знаний, умений и навыков на третьем уровне — традиционные формы контроля.

При определении частоты проведения тестирования руководствуемся тем, что метод частых тестов имеет преимущества, так как создает условия для получения систематической обратной связи (внешней и внутренней), побуждает к корректировке знаний как со стороны преподавателя, так и со стороны студента, что способствует повышению качества знаний. С помощью тестов также определяется и коэффициент прочности знаний [5]. Показателем прочности усвоения знаний служит тот уровень, который показывают студенты по истечении некоторого времени после изучения материала. Дать совершенно объективную оценку здесь невозможно, так как

в промежутке времени студенты получают новую информацию, которая может способствовать или препятствовать забыванию ранее изученного. Но все же можно выяснить прочность усвоения с некоторой достоверностью. Для этого используются те же тесты, что и при определении уровня усвоения знаний (методика проведения тестирования, контрольных работ, устных вопросов известна).

Контроль знаний, умений и навыков по определенному изучаемому предмету является одним из элементов системы контроля. Необходимо также определить уровни сформированности навыков самостоятельной работы, формы и методику контроля процесса формирования этих навыков. Речь идет о выделенных нами навыках определять цель заданий, выполнять определенные учебные действия в их логической последовательности, выполнять самоконтроль и рационально использовать время внеаудиторной самостоятельной работы.

Основываясь на приведенных выше уровнях усвоения знаний, выделим следующие уровни владения умениями и навыками самостоятельной работы:

- уровень понимания, который характеризуется тем, что студент знает и понимает, какие учебные действия следует выполнять, как организовать свою самостоятельную работу;

- уровень репродуктивного действия, характеризующийся тем, что студент может выполнить определенные действия, пользуясь предписанием, и воспроизвести ход выполнения задания;

- уровень автоматизированного действия, характеризующийся тем, что студент может выполнить новое задание, пользуясь уже имеющимися у него навыками без опоры на предписание.

Для осуществления контроля формирования навыков самостоятельной работы на указанных уровнях были отобраны соответствующие формы. Поскольку самостоятельная работа проходит без непосредственного присутствия преподавателя, одной из форм контроля может быть анкетирование. Для выявления факта владения тем или иным навыком составлены анкеты, которые предлагаются студентам в начале, середине и конце учебного года. Более частое анкетирование нецелесообразно, так как процесс формирования навыков самостоятельной работы длительный и сложный, поэтому результаты становятся заметными по истечении довольно продолжительного периода времени.

Другой формой контроля являются устные опросы на аудиторных занятиях, цель которых — выяснить режим работы над домашним заданием. Кроме устных опросов полезно проводить письменные отчеты студентов о самостоятельной работе, в которых указывать, сколько времени и какими путями выполнялось задание. Все эти формы контроля выполняют помимо регистрирующей и обучающую функцию, так как побуждают студентов к систематической самостоятельной работе и тем самым способствуют закреплению навыков самостоятельной учебной деятельности.

Методика проведения контроля формирования навыков самостоятельной работы состоит в следующем: разрабатываются специальные анкеты; анкеты раздаются студентам для заполнения дома или в аудитории; на аудиторных занятиях проводятся устные опросы о ходе выполнения заданий; студенты опрашиваются выборочно — представители подгрупп по уровню подготовки (низкий, средний, высокий); отдельным студентам предлагается выполнить фрагмент домашнего задания в присутствии преподавателя; периодически студентам предлагается составить краткий письменный отчет о режиме самостоятельной работы; результаты анализа полученных данных доводятся до сведения студентов; производится передвижение студентов в подгруппу более высокого или низкого уровня подготовки.

Количественной оценки уровня сформированности навыков самостоятельной работы пока еще нет, поэтому отмечается лишь степень соответствия имеющихся навыков заранее запланированным.

В систему контроля нами включен контроль затрат времени на самостоятельную работу. Для осуществления этого вида контроля используются саморегистрация и регистрация затрат времени. Полученные фактические данные сравниваются с запланированными. Контроль осуществляется систематически на протяжении всего учебного года, что дисциплинирует студентов и учит их экономно относиться к времени, отводимому на внеаудиторную самостоятельную работу.

Количественно соответствие фактических затрат времени по отношению к планируемым выражается следующей формулой: $K = T_{\phi} / T_{\text{п}}$, где K — коэффициент затрат времени; T_{ϕ} — фактические затраты времени; $T_{\text{п}}$ — планируемые затраты времени [6].

Если K значительно превышает единицу, то необходимо выяснить причину перегрузки и ее устранить. Если K меньше единицы, то это тоже свидетельствует о недостатках в организации самостоятельной работы. На основе индивидуального подхода проводится коррекция.

Таким образом, *система* контроля внеаудиторной самостоятельной работы включает контроль качества знаний, умений и навыков по изучаемому предмету, контроль процесса формирования навыков самостоятельной работы и контроль затрат времени.

Список литературы: 1. Лингарт И. Процесс и структура человеческого учения. — М.: Прогресс, 1970. — 576 с. 2. Ржецкий Н. Н. Функции контроля и его роль в организации самостоятельной работы студентов. — Пробл. высш. школы, 1976, вып. 24, с. 68. 3. Лернер И. Я. Качества знаний учащихся. Какими они должны быть? — Педагогика и психология. — М.: Знание, 1978, с. 3—46. 4. Хесин А. М. Информационный минимум и критерии оценки знаний. — Пробл. высш. школы, 1974, вып. 19, с. 12—17. 5. Полонский В. М. Оценка эффективности дидактических разработок. — Советакан Манкавари, 1977, № 1, с. 45—51. 6. Глазов Г. А. Учитывать бюджет времени. — Вестн. высш. школы, 1974, № 10, с. 17.

Поступила в редколлегию 27.09.82.

**К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ГРАММАТИК**

Одним из важных вопросов методики обучения иностранным языкам является соотношение между лингвистической и педагогической грамматиками. Если лингвистическая грамматика представляет собой максимально полное научное описание системы правил языка [4], то педагогическая грамматика — это переработанные и приспособленные для обучения языку правила лингвистической грамматики. Вопрос о целесообразности применения педагогической грамматики можно считать решенным, так как в настоящее время ни один исследователь не может возражать против ее использования в процессе обучения. Даже за рубежом, где особенно широкое распространение получили методы, в рамках которых использование правил грамматики считалось не только бесполезным, но и вредным, в настоящее время ситуация кардинально изменилась. По мнению ведущих зарубежных специалистов, «сейчас все признают, что овладение языком не сводится к простому механическому процессу формирования автоматизмов, а требует активной работы сознания учащихся» [6, с. 46].

Построение педагогической грамматики предполагает переработку лингвистических правил соответственно целям и закономерностям обучения. В процессе перехода от лингвистической к педагогической грамматике возникает ряд проблем, одной из которых является наличие различных лингвистических моделей грамматики. Должна ли педагогическая грамматика опираться на какую-либо одну лингвистическую модель, как это было до сих пор, или же возможно использование информации из различных лингвистических моделей? В поисках ответа на этот вопрос мы предприняли попытку в наиболее общем виде определить возможности использования в обучении функциональной модели грамматики. Эта модель представляет особый интерес, так как в ней, в отличие от традиционной грамматики, исследуется не только поверхностная структура языка, но и соотносительность между этой структурой и коммуникативной деятельностью.

Данные о такой соотносительности имеют исключительно важное значение для обучения практическому владению языком в коммуникативно значимых ситуациях. Достижение такой цели возможно только при условии четкого осознания учащимися закономерностей функционирования и формообразования усваиваемого грамматического явления. Если в области формообразования традиционная грамматика, на которой основано большинство наших учебников, дает достаточно полные сведения, то в отношении функции эта модель грамматики в некоторых случаях дает неполную, а иногда и недостаточную информацию. Это приводит к тому, что объяснения и упражнения в таких учебниках касаются только формы грамматического явления, в результате чего усваивается

только формальный компонент грамматического навыка. Функциональный же аспект не формируется и принципиально не может быть сформирован в этом случае, так как условия формирования навыка не соответствуют условиям его функционирования.

Так, при обучении страдательному залогу прошедшего времени (англ. яз.) в VII классе средней школы рекомендуемые авторами учебника объяснения ограничиваются анализом направленности действия в действительном и страдательном залогах. Анализ осуществляется на основе примеров из русского языка, а затем учителю рекомендуется упомянуть, что такие же отношения характерны и для английского языка [3, с. 98]. Такое объяснение не дает сведений о функции пассива, т. е. о том, зачем употребляются пассивные конструкции. В результате нереальной становится рекомендация употреблять пассивные конструкции в ситуативных условиях, которые, по мнению авторов, создаются в вопросо-ответных упражнениях на основе предложений из текста [3, с. 99]. Для создания ситуативных условий употребления пассивных конструкций необходимо прежде всего знать эти условия. Традиционная грамматика не дает такой информации, что неизбежно сказывается и на упражнениях. В большинстве учебников упражнения для усвоения пассивных конструкций носят характер трансформаций действительного залога в страдательный и наоборот, или же используются переводные упражнения. Иногда учащимся предлагается «говорить на предложенную тему, употребляя пассивные конструкции» [10, с. 170]. Выполнение такого упражнения с чисто грамматическим заданием не может способствовать формированию функционального компонента грамматического навыка.

Иногда попытка объяснить функцию пассива в речи предпринимается, но при этом избираются произвольные критерии. Это приводит к тому, что учащимся дается недостоверная информация. Например, в ряде работ [1; 2] утверждается, что употребление пассива объясняется стремлением собеседников сосредоточить внимание на семантическом объекте, в результате чего он помещается в позицию подлежащего. Однако даже поверхностный анализ ситуаций опровергает эту гипотезу. Трудно утверждать, например, что в предложении «The goal was scored by N» (в ситуации, когда мы слышим объявление диктора по стадиону непосредственно после того, как был забит гол) внимание зрителей концентрируется на семантическом объекте (The goal). Скорее в данном случае выделяется семантический субъект (N), так как зрителей интересует прежде всего кто забил, а не то, что был забит гол, это и так прекрасно видно зрителям.

Неадекватность сведений традиционной грамматики заставляет искать информацию относительно функции пассива в других грамматических моделях. Наиболее перспективными в этом отношении являются, на наш взгляд, исследования в области функциональной грамматики, в частности, работы по изучению функциональной перспективы предложения [11] и функциональная модель М. Хол-

лидея [9]. С точки зрения М. Холлидея, структура языка отражает функции, которые он должен выполнять в качестве средства коммуникации. При этом различаются три функции: эмпирическая, межличностная и текстовая. Сосредоточим внимание на последней, так как именно текстовая функция отличает предложения друг от друга. С точки зрения же эмпирической и межличностной функций, эти предложения одинаковы: 1) *The teacher praised John*; 2) *John was praised by the teacher*. С позиции традиционной грамматики различие между предложениями заключается в различных грамматических функциях семантических субъекта и объекта. Если в предложении 1 семантический субъект одновременно является и грамматическим субъектом, а семантический объект — грамматическим объектом, то в предложении 2 семантический объект выполняет функцию грамматического субъекта, а семантический субъект — грамматического объекта. Это не объясняет по каким причинам в предложении 2 потребовалось изменение грамматических функций семантических субъекта и объекта. Такая информация, однако, может быть получена в результате анализа текстовой функции М. Холлидея. Текст, в понимании М. Холлидея, является основной единицей речи, а текстовой компонент грамматики представляет собой набор элементов, с помощью которых человек создает тексты, т. е. использует язык так, как это релевантно в данном контексте. Текстовая функция реализуется с помощью шести элементов, важнейшим из которых для понимания разницы между предложениями является тематический элемент, регулирующий расположение слов в предложении. Как известно, в любом предложении различают тему и ремю. Первый элемент предложения выполняет функцию темы, т. е. того, что уже известно слушающему (отправная точка высказывания), а остальная часть предложения считается ремой, т. е. тем новым, что содержится в данном предложении. Исследователи функциональной перспективы предложения [8] считают, что причиной появления пассивных конструкций в речи является стремление говорящего выделить определенную часть предложения, которая помещается в рематическую позицию. Фиксированный порядок слов в английском языке влечет за собой изменение синтаксической структуры. Поэтому можно сделать вывод, что пассивные конструкции употребляются, когда необходимо сконцентрировать внимание слушающего на действии или субъекте действия. Это должно учитываться при составлении упражнений для усвоения пассива. Для концентрации внимания на действии целесообразно, например, создавать ситуации, в которых существует неопределенность относительно того, имело ли место действие или нет. Так, можно смоделировать ситуации, в которых возможно и мотивировано появление реплик типа *I did tell N to come here — So, he has been told*. Для концентрации внимания на семантическом субъекте может быть использовано, в частности, упражнение типа «ложные утверждения»: *N wrote this book in 1961 — But this book was written by S*. В таких ситуациях появ-

ление пассива коммуникативно оправдано, достаточно ясны для учащихся и мотивы его употребления. То же самое можно сказать и об усвоении структур типа *A was given a book* и *The book was given to A*. Несмотря на внешнее сходство, эти структуры абсолютно различны в плане текстовой функции. Во-первых, они различаются с точки зрения тематического элемента (в первом случае в рематической позиции находится слово *a book*, а во втором — *A*), но кроме того, они отличаются еще и по способности образовывать текст. Например, предложения 3, 6 не образуют текст, а предложения 3, 5 легко соединяются и образуют смысловое целое. В свою очередь предложения 4, 6 образуют текст, а предложения 4, 5 — нет: 3) *Some children were presented toys, others — books*; 4) *You are mistaken about that book*; 5) *A was given a book*; 6) *The book was given to A*. М. Холлидей называет этот элемент идентифицирующим, но при этом анализирует только так называемые тождественные структуры, в которых левая часть (до глагола тождества) равна правой (после глагола тождества): *The one who died was Smith*. Выбор элемента, который помещается в тематическую позицию, диктуется текстом, т. е. общим замыслом говорящего и предшествующими предложениями. На наш взгляд, эта закономерность (которая, вероятно, наиболее ярко проявляется в тождественных структурах) прослеживается и в других типах структур, в частности при употреблении пассивных конструкций, что должно учитываться при построении упражнений. При усвоении структуры *A was given a book* целесообразно создавать ситуации, в которых внимание сосредоточивалось бы на предмете, который передается. Учитель может дать ученику *A* тетрадь, а затем прокомментировать это действие так: *A was given a book*, что предполагает реакцию учащихся: *But he was given a notebook*. При отработке же структуры *The book was given to A* следует изменять направление действия, т. е. учитель может, например, дать книгу ученику *B* и прокомментировать это неверным утверждением *The book was given to A*. Это дает возможность учащимся исправить неверное утверждение: *But the book was given to B*. В этом случае замена предмета исключается, также как и изменение направления действия в первом случае в связи с тем, что такое изменение повлекло бы за собой неадекватность ситуации условиям употребления усваиваемой структуры. При выполнении этих упражнений следует использовать также информационный элемент грамматики М. Холлидея, который реализуется с помощью фонологических средств. По его мнению, любой текст в устной речи организуется в информационные блоки, внутри каждого из которых существует «точка информационного фокуса». Такая точка выделяется с помощью ударения и указывает элемент, который говорящий рассматривает как «новое» внутри данного информационного блока. Поэтому использование интонации при обучении пассиву имеет большое значение для осознания учащимися функции этого грамматического явления. Например, при демонстрации функционирования

структуры *A was given a book* целесообразно выделить элемент в рематической позиции еще и интонационно, т. е. сделать на нем ударение. *A was given a book* (а не *notebook*), что в сочетании с ситуацией употребления и объяснением учителя может создать благоприятные условия для осознания и усвоения функции пассива в речи.

Таким образом, педагогическая грамматика не должна ограничиваться только одной моделью грамматики (например, традиционной), а может использовать по мере необходимости и данные других моделей. В частности, для курсов обучения устной речи с практической направленностью перспективно использование переработанных данных функциональной грамматики.

Список литературы: 1. Булгакова А. М. Обучение грамматическому оформлению высказывания на I курсе спецвуза с использованием программированного пособия: Дис. ... канд. пед. наук. — М., 1972. — 205 с. 2. Верба Г. В., Верба Л. Г. Довідник з граматики англійської мови для учнів старших класів. — К.: Рад. школа, 1977. — 287 с. 3. Старков А. П., Диксон Р. Р. Книга для учителя к учебнику английского языка для VII класса средней школы. — М.: Просвещение, 1972. — 158 с. 4. Стревенс П. Д. Фонетика, прикладная лингвистика и другие компоненты обучения языкам. — В кн.: Методика преподавания иностранных языков за рубежом. М.: Высш. школа, 1967, с. 85—93. 5. Хельбиг Г. Грамматика и преподавание иностранных языков в школе. — Иностр. яз. в школе, 1976, № 3, с. 28—34. 6. Allen J., Widdowson H. Grammar and language teaching. — In: The Edinburgh course in applied linguistics, vol. 2. — London: Oxford Univ. Press, 1975. — 376 p. 7. Allen J. Pedagogic grammar. — In: The Edinburgh course of applied linguistics, vol. 3. — London: Oxford Univ. Press, 1979. — 366 p. 8. Duskova L. On some functional and stylistic aspects of the Passive Voice in presentday English. — Philologica Pragensia, 1971, 14, N 3, p. 117—143. 9. Halliday M. Notes on transitivity and theme in English. — Journal of Linguistics, 1967, N 3, p. 37—81. 10. A Practical English Grammar Programmed Workbook / Ed. by W. Rayner. — М.: Высш. школа, 1981. — 192 p. 11. The Prague school of linguistics and language teaching. — London: Oxford Univ. Press, 1972. — 242 p.

Поступила в редколлегию 05.10.82.

В. С. ПОЛИНА

РАЗЛИЧИЯ В СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ И ИХ УЧЕТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Вопрос о лексико-грамматической квалификации способов выражения состояния субъекта еще окончательно не решен в лингвистической науке. Одни ученые [2; 3; 10] выделяют слова, обозначающие состояние, в отдельную часть речи; другие [9] ставят под сомнение существование этой части речи. Даже в кругу сторонников теории категории состояния как части речи нет единства мнений относительно круга слов, включаемых в эту категорию. Многие лингвисты, признавая различные слова, способные выражать состояние, сходятся во мнении, что эти слова обязательно выполняют функцию именной части составного сказуемого.

В английской лингвистике также нет ясного определения статуса слов, выражающих состояние. Так, У. Чейф разделяет глаголы на выражающие состояние и не-состояние, т. е. событие или процесс [8]. Б. А. Ильиш предлагает «рассматривать сказуемое в предложении *He is asleep* не как именное, состоящее из связки и предикативного члена, а как сказуемое глагольного типа, в котором глагол *to be* является вспомогательным глаголом» [5]. В дальнейшем он допускает возможность объединения в «категорию состояния» только слов типа *asleep, afloat, astir, ablaze* (без связки), которые характеризуются префиксом *a-* [11]. Б. И. Роговская и Б. С. Хаймович выделяют класс слов, выражающих состояние, в отдельную часть речи и называют их *adlinks of state* (присвяточные слова, выражающие состояние) [7]. Лич Д. и Свартвик Я. называют глаголы *live, stay, know* и некоторые другие стативными в зависимости от контекста, они могут выражать событие [12]. Ср.: *Do you remember his address?* (состояние) и *I didn't remember to post the letter (what happened?)* — событие).

А. А. Драздаускас говорит не о словах, а о словосочетаниях, о синтаксеме, которая выражает временное состояние субъектов [4]. По форме подобные словосочетания напоминают аналитическую и тяготеют к процессному сказуемому. Они, как правило, имеют эквивалент — процессное сказуемое, выраженное одной словоформой: *The child was asleep (was sleeping, slept и т. д.)*.

Таким образом, особые явления, которые получили название слов категории состояния, не укладываются в привычные понятия частей речи как морфологических единиц языка; лингвисты, стремясь объединить в одной единице сочетание служебной и неслужебной лексем, подчеркивали синтаксическую неделимость сочетания связочного глагола с прилагательными и существительными. «Понять эти сочетания можно, лишь изучая системные отношения синтаксем и их вариантов» [6]. В подтверждение невозможности выделить «категорию состояния» как особую часть речи наряду с бесспорными частями речи (глагол, существительное, местоимение) А. М. Мухин предлагает принять во внимание возможности лингво-типологического анализа. Дело в том, что беря за исходную точку «категорию состояния» в английском языке, мы не найдем в русском языке морфологически очерченной особой части речи, с которой можно было бы ее сопоставить и которую можно было бы назвать «категорией состояния». Поэтому типологическое исследование сочетаний глагол-связка + прилагательное или существительное придется проводить, исходя из учета стативности как синтаксико-семантического признака, т. е. исследователь сравнивает стативные синтаксемы (квалификативную, субстанциальную, процессуальную и др.) и получает возможность выявить различия в самих средствах выражения стативных синтаксем в том и другом языке. Различия могут касаться как морфологических средств — частей речи и их форм, так и лексических средств — разрядов или групп лексем, принадлежащих к определенной части речи. Аргу-

менты А. М. Мухина кажутся нам убедительными, поэтому целесообразно следовать этой концепции в нашем исследовании.

Рассмотрим средства выражения состояния субъекта в английском и русском языках; частотность употребления глаголов и глагольных сочетаний, выражающих состояние в английском и русском языках; способы перевода глаголов и глагольных сочетаний, выражающих состояние, с русского языка на английский и с английского языка на русский.

Для исследования были сделаны небольшие выборки (по 100 примеров) из романа советского писателя Ю. Бондарева «Горячий снег» и романа современного американского писателя Р. П. Уоррена «All the King's Men». Количественное сравнение выборок показало, что в русском оригинале 100 примеров приходятся на 68 000 знаков, а в английском — на 29 000. На основании этих данных можно сделать предварительный вывод о том, что глаголы и глагольные сочетания, выражающие состояние, встречаются чаще в английском языке, чем в русском. Качественный анализ примеров дал следующие результаты. В выборке из английского оригинала не встретилось ни одного примера на глагол-сказуемое, выражающий состояние, в русском оригинале такого же объема подобных глаголов найдено 8: «Похоже было, что в теплых избах все спали». «А вы что, бонитесь?»

Для выражения состояния субъекта в сочетании со связочным глаголом в обоих языках чаще всего употребляются существительные, прилагательные и наречия. Причем количество существительных и прилагательных в обеих выборках примерно одинаково; наречия в той же функции встречаются чаще в английском языке. Этот вывод справедлив и для примеров перевода (см. табл. 1).

Таблица 1

Часть речи	Английский оригинал	Русский оригинал	Перевод с англ. яз. на рус. яз.	Перевод с рус. яз. на англ. яз.
Существительное	38	35	32	32
Прилагательное	37	36 15 полное 21 краткое	21 14 полное 7 краткое	42
Наречие	16	9	11	17
Глагол	0	8	22 16 действие 6 состояние	10 6 действие 3 состояние 1 мод.

Для анализа способов перевода глаголов и глагольных сочетаний, выражающих состояние, возьмем переводы, выполненные квалифицированными переводчиками Р. Дэглишем с русского языка на английский («The Hot Snow») и В. Голышевым с английского языка на русский («Вся королевская рать»).

Из табл. 2 видно, какими средствами переведены глаголы и глагольные сочетания, выражающие состояние, с английского языка на русский и с русского языка на английский. В обоих переводах

Таблица 2

Часть речи	Перевод с англ. яз. на рус. яз.	Перевод с рус. яз. на англ. яз.
Существительное	68 % существительные 10,5 % прилагательные	66 % существительные 17 % прилагательные 8,5 % глаголы
Прилагательные	43 % прилагательные 30 % глаголы	55 % прилагательные 22 % существительные 14 % глаголы
Глагол	0	12 % глаголы 75 % прилагательные
Наречие	25 % наречия 38 % глаголы (действие) 13 % глаголы (состояние)	11 % наречия 55 % прилагательные

существительные в равной степени переданы также существительными (68 и 66 %). Табл. 1 иллюстрирует способы выражения состояния субъекта в русском и английском языках как в оригинальных текстах, так и в их переводах.

Проанализируем данные табл. 2, в которой представлены способы перевода состояния с русского языка на английский и с английского языка на русский. Очевидно, что большинство существительных с глаголом-связкой в обеих выборках из оригиналов переведены существительными: He knew he was the nuts.— Он знал, что он молодчага. Хотя имеются примеры перевода с помощью прилагательных и глаголов, последние встретились только в переводе с русского языка на английский: Все здесь, в этом хуторке, казалось безмятежно **мирным**.— Everything seemed so placid in the village; Это, конечно, **неправда**.— Of course, she is not **telling the truth**. Приблизительно половина примеров на прилагательные с глаголом-связкой переведены прилагательными, существительными (с русского на английский) и значительная часть — глаголами, причем примеров на перевод глаголами с английского языка на русский в два раза больше, чем с русского на английский: Если вопросов нет, **согласен** на все. — If there are no further questions I agree to everything. Большое количество примеров на наречия с глаголом-связкой переведены глаголами с английского языка на русский, в то время, как с русского языка на английский больше половины примеров на тот же случай переведены прилагательными: Но просто хорошо, что вы к нам пришли.— ... but it's good to see you all the same. Количественный анализ данных обоих переводов явно недостаточен для выработки практических рекомендаций переводчикам, так как на первый взгляд особых различий между способами выражения состояния в английском и русском языках нет. При более пристальном рассмотрении способов перевода переводчику нельзя рекомендовать переводить глагол глаголом, существительное существительным, прилагательное прилагательным и т. д., поскольку нельзя ожидать, что в отдаленно

родственных языках одни и те же значения будут передаваться одними и теми же частями речи.

Рассмотрим примеры, в которых состав исходного сказуемого, выражающего состояние, совпадает с составом варианта перевода, при этом содержание передано полно. Так, ряд идиоматических выражений в составе сказуемого английского источника переведен на русский язык глаголами, выражающими действие в связи с тем, что в русском языке нет эквивалентной идиомы: All was merry as a marriage bell.— И все **крутилось** и **вертелось** и **шло** гладко, как по маслу. А в следующем примере несоответствие составов можно объяснить грамматическим идиоматизмом: The big boys were gone.— А **воротилы** **разъехали**сь.

Иногда переводчик не может перевести, например, сказуемое сказуемым, и в этом случае прибегает к сравнению более крупных единиц, т. е. единицей перевода здесь является не отдельное слово и даже не словосочетание, а целое предложение: My study is the heart of the people.— Я слушаю сердце народное.

Приведем примеры, где в переводе сохраняется акцент на характеристику действующего лица, глагол же утрачивает свое качество действия, ослабляется его семантика, по своему значению этот глагол приближается к глаголам, выражающим состояние: But the voice was different.— А голос **звучал** совсем **по-другому**. В ряде примеров наблюдается смещение акцента: There were pine forests here a long time ago but they are gone.— Когда-то здесь были сосновые леса, но их давно свели. Акцент смещен на неопределенное действующее лицо: I reckon I'll be back later for that.— За этим я, пожалуй, **приеду** в другой раз. Акцент с конечного состояния смещен на действие, приводящее в это состояние: ...and that St Christopher was on the job.— ...и что святой Христофор нас не **оставит** (акцент смещен с констатации факта постоянного покровительства, осуществляемого св. Христофором, на его функцию; идиоматическое выражение to be on the job выглядит как состояние только на поверхности, а в действительности его можно истолковать как действие).

Одна и та же мысль может быть передана разными средствами: Duffy and Lucy never were exactly chummy.— Дафи и Люси не очень ладили друг с другом. «Ладили» — один из синонимов, выбранный переводчиком для передачи значения. Выражение «Это выгрузка» нельзя перевести английским «It's detraining», так как возможно двоякое прочтение этого перевода «некое существо среднего рода выгружается». Поэтому переводчик прибегнул к анализу на уровне целого предложения «We are detraining».

При переводе предложения «...подумал, что теперь, именно с этих минут он сам **связан** со всеми надолго и прочно» замена конструкции произведена в связи с отсутствием эквивалентной конструкции «связан надолго»: ...has realised that it was these minutes ... that had made the bond between them secure and lasting. В целях экономии изменен состав сказуемого в следующем предложении:

Вам в самом деле нет смысла проводить в наших взводах осмотр.— you needn't inspect our platoons...

Использование инфинитивной конструкции вместо придаточного предложения также способствует более экономному переводу: Похоже было, что в теплых избах все спали.— Everyone seemed to be asleep in their warm cottages. Грамматическим идиоматизмом можно объяснить различие в составах сказуемых в этом примере: «Ему было неловко видеть это заискивающее внимание на лице Чибисова» — «The fawning attention on Chibisov's face embarrassed him». Из-за отсутствия прямого соответствия в языке перевода переводчик проводит анализ на уровне всего предложения: Я не имею права обижаться на вас... — Имеете. Только ясно было бы за что.— I have no right to be offended. Yes, you have. As long as you know what for.

Таким образом, анализ перевода глаголов и глагольных сочетаний, выражающих состояние, с русского языка на английский и с английского на русский подтверждает теорию о том, что единицей перевода может быть единица любого языкового уровня: от уровня фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений до уровня всего текста [1].

Список литературы: 1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: Междунар. отношения, 1975.— 240 с. 2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М. Л.: Учпедгиз, 1947.— 784 с. 3. Галкина-Федорук Е. М., Горишкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык (Лексикология. Фонетика. Морфология). — М.: Учпедгиз, 1957.— 408 с. 4. Драздаускас А. А. Структура и семантика непроцессного квалифицированного сказуемого в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1970.— 24 с. 5. Ильиш Б. А. Современный английский язык.— М.: Изд-во лит. и иностр. яз., 1948.— 347 с. 6. Мухин А. М. Синтаксический анализ и проблема уровней языка.— Л.: Наука, 1980.— 303 с. 7. Роговская Б. И., Хаймович Б. С. Теоретическая грамматика английского языка.— М.: Высш. школа, 1967.— 299 с. 8. Чейф У. Значение и структура языка.— М.: Прогресс, 1975.— 431 с. 9. Шапиро А. Б. Русское правописание.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— 245 с. 10. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку.— М.: Учпедгиз, 1957.— 188 с. 11. Illyish B. A. The Structure of Modern English.— Л.: Просвещение, 1971.— 365 с. 12. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English.— L.: Longman, 1975.— 324 p.

Поступила в редколлегию 05.10.82.

В. А. КУХТЕНКО

«ЗАПОВІТ» Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ПЕРЕВОДЕ
Э. ГИЛЬВИКА

Среди переводов произведений Т. Г. Шевченко на французский язык особое место занимает стихотворение «Заповіт» [2], которое привлекает внимание французских переводчиков ярко выраженными идейно-политическими взглядами великого украинского поэта. Известно восемь вариантов перевода на французский язык шевченковского «Заповіта». Впервые же оно было переведено

в 1928 г. известным французским писателем П. Истрати, который совершил путешествие по Украине и посетил при этом могилу Т. Г. Шевченко в Каневе [6]. К сожалению, этот перевод был прозаическим и коснулся всего восьми начальных строк оригинала, хотя П. Истрати в основном адекватно раскрыл его содержание. В дальнейшем «Заповіт» переводился французскими поэтами Р. Тиссераном, Ф. Мазадом, В. Фолле, Ш. Стебером [8; 5; 10; 9]. Переводы этого стихотворения на французский язык осуществлены и в нашей стране М. Рыльским и А. Дейчем, А. Абриль [7; 3].

Одним из лучших является перевод шевченковского «Заповіта» известным французским поэтом-коммунистом Э. Гильвиком [4], который полно воспроизвел содержание и художественное звучание слова великого украинского поэта. Приводим текст этого перевода:

TESTAMENT

Quand je serai mort, mettez-moi
Dans le tertre qui sert de tombe
Au milieu de la plaine immense,
Dans mon Ukraine bien-aimée,
Pour que je voie les champs sans fin,
Le Dniepr et ses rives abruptes,
Et que je l'entende mugir.
Lorsque le Dniepr emportera
Vers la mer bleue, loin de l'Ukraine,
Le sang de l'ennemi, alors
J'abandonnerai les collines
Et j'abandonnerai les champs,
Jusqu'au ciel je m'envolerai
Pour prier Dieu, mais si longtemps
Que cela n'aura pas eu lieu
Je ne veux pas connaître Dieu.
Vous, enterrez-moi, levez-vous,
Brisez enfin, brisez vos chaines,
La liberté, arrosez-la
Avec le sang de l'ennemi.
Plus tard dans la grande famille,
La famille libre et nouvelle,
N'oubliez pas de m'évoquer
Avec des mots doux et paisibles.

Архитектоника, строфика, композиция оригинала переданы адекватно, без каких-либо нарушений взаимосвязи между отдельными компонентами. Последовательность его содержания раскрыта в 22 строках эквилинеарно и только в двух строках (11, 12) отмечены незначительные перестановки. Нет нарушений и в передаче последовательности составных частей оригинала. Как и авторский оригинал, перевод написан в форме монолога и состоит из четырех частей-строф: завещание Шевченко с просьбой о погребении на Украине; «воскрешение» поэта; призыв поэта к борьбе против угнетателей; убежденность автора в необходимости создания семьи свободных братских народов. 83 слова оригинала переданы 106 словами, из которых точно переведены 42 слова (50,82 %), адекватно — 11 (13,31 %), адекватно интерпретировано 19 слов

(22,99 %). К этой категории лексики относятся такие словосочетания: «було видно, було чути, як реве ревучий» — *que je vois... et que je l'entende mugir*, «до самого бога» — (*jusqu'au ciel*), «моли-тись» — (*pour prier Dieu*), «а до того» — (*si longtemps que cela n'aura pas eu lieu*). Переводчик ввел подобную интерпретацию по следующим причинам. Прежде всего чтобы помочь французским читателям правильно понять содержание стихотворения и сохранить четкую ритмомелодику строк. В любом случае подобная интерпретация оригинала не отразилась отрицательно на переводе.

В целом точно и адекватно переведено и интерпретировано 87,12 % лексики. Переводчик выпустил 11 слов (13,31 %), в основном все они не являются существенными (то, та, і (6 раз), в, все), к тому же стилистический повтор союза і Э. Гильвик компенсировал соответствующими стилистическими элементами.

Из 106 слов лексики перевода 46 слов (43,24 %) точно передают лексику оригинала, 14 (13,16 %) — адекватно, 29 (27,26 %) адекватно интерпретируют ее. Переводчик ввел 17 слов (15,98 %), адекватных лексике оригинала: стилистические повторы личных местоимений *vous, moi, je*, предлога *et*. Следовательно, выпущенная лексика соответствует качественной характеристике введенной лексики. На этом основании можно сделать вывод о том, что переводчик адекватно перевел лексику оригинала.

Все 11 образов оригинала точно воспроизведены в переводе, некоторые из них дополнены. Например, могила конкретизируется словом курган (*le tertre qui sert de tombe*), чтобы придать оттенок украинского колорита, а образ кручі усиливается прилагательным *abruptes* (обрывистые), характеризующим не спокойный пейзаж Днепра, а острый, каменистый — накал борьбы и страданий народа.

Тропы и фигуры переданы точно: эпитеты, метафоры, инверсия, эллипс и особенно повторы. Благодаря введенным повторам, более точно характеризуется образ Днепра, воли, семьи. Эти существенные переводчик повторяет в форме личных местоимений *la, il*, повторяет глагол *briser* (разорвите же наконец, разорвите свои цепи), чем верно передает гражданский пафос, тон, движение стихотворения, его художественные особенности.

Художественную эмоциональность придают переводу повторы. Э. Гильвик вслед за автором передает уверенность, что свобода не может быть подарена, а должна быть завоевана народом, поэтому он с особой силой подчеркивает призыв: *levez vous! brisez vos chaînes! La liberté, agrosez-la!...* (Вставайте! Разорвите цепи! Окропите свободу...!). В последней части переводчик, как и автор, использует повтор слова *famille* — семья (главное слово строфы, передающее ее основную идею).

Э. Гильвик смог сохранить и передать в переводе звуковые формы художественной выразительности — ассонансы и аллитерацию. В этом плане следует отметить стилистическую структуру второй строфы: переводчик изменяет ритм, вводит четкий речитатив (с ро-

кочущим p) lorsque, Dniepr, emportera, vers la mer bleue, loin de l'Ukraine ... alors, j'abandonnerai ... je m'envolerai ... pour prier ..., который завершается полным отречением от бога: Je ne veux pas connaître Dieu! Третья часть требует наиболее сильной звуковой выразительности, поэтому наряду с повторами Э. Гильвик вводит ассонансы — слова, насыщенные звуком e: enterrez, levez, brisez, argosez, наполненные действием, движением вперед. В последней части переводчик переходит к другой звуковой тональности и вводит отчетливо звучащий звук i: famille, libre, oublier, paisible прилающий строфе наибольшую мелодичность, наступившее спокойствие.

Ритмомелодика передана ослабленно адекватно, однако она близка к шевченковской: у Шевченко чередуются 8—6, у Гильвика 9—7 слоговые строки. Гильвик использовал в данном переводе форму свободного рифмованного стиха. Рифма передана тоже ослабленно адекватно, она не имеет определенной системы и чаще всего внутристроочная, а иногда — конечная: mort — tombe, fin — mourir, abandonnerai — envolerai, Dieu — lieu, levez — brisez — argosez, famille — paisible. У Шевченко тоже нет определенной системы рифмовки, но благодаря четкому ритму и звуковой организации лексики стихотворение звучит вполне мелодично.

В анализируемом переводе точно отображено идейное содержание оригинала — революционный призыв к уничтожению существующего строя и установление братских отношений в семье свободных народов. Вместе с тем и незначительные отклонения от шевченковского текста (выпущенные и добавленные слова) послужили этой цели.

Таким образом, перевод Э. Гильвика адекватен оригиналу, поскольку в нем точно отображены идейное содержание, образы, тропы и фигуры оригинала, адекватно — архитектоника, строфика, композиция, последовательность передачи содержания, лексика, ослабленно адекватно — ритмомелодика, размер и рифма. Кроме того, перевод является вполне оригинальным поэтическим произведением на французском языке.

Список литературы: 1. Миронов О. О. До питання про методику аналізу перекладу поетичного твору. — Вісн. Харк. ун-ту, 1970. Сер. філол., вип. 5, с. 34—39. 2. Шевченко Т. Г. «Заповіт» мовами народів світу. — К.: Наук. думка, 1964. — 121 с. 3. Шевченко Т. Г. Вибрані твори. — К.: Дніпро, 1978. — 173 с. 4. Chevtchenko T. Préface, traduction et choix de textes de Guillevic. — Poètes d'aujourd'hui, 1964, N 110, p. 69. 5. Chevtchenko T. Sa vie et son oeuvre. — P.: PIUF, 1964, p. 118. 6. Istrati P. La fête de Tarass Schevtchenko à Kaniev. — Le cri des peuples, 1928, N 4, p. 12—14. 7. Maxime Rylski, Alexandre Deutsche. Tarass Chevtchenko. — Moscou: Progrès, p. 6—7. 8. Tisserand R. La vie d'un peuple: L'Ukraine. — P., 1933, p. 230. 9. Vers de T. Chevtchenko traduits par Charles Steber. — La littérature internationale, 1939, N 1, M., p. 8—14. 10. Zoëreva M. Chevtchenko, le grand poète ukrainien. — Revue de Moscou, N 3, 1939, p. 21—23.

Поступила в редколлегию 17.12.82.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРАЛИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Анализ достижений практической лексикографии Австралии, в первую очередь толковых словарей, показал, что исследователями австралийского национально-регионального варианта английского языка (AuE) проделана большая и плодотворная работа, направленная на описание особенностей лексической системы AuE. В толковых словарях собран и описан обширный лексический материал, где определенное место занимает специфическая австралийская терминология, аборигенные заимствования, австралийские значения общеанглийских слов. Издание в 1981 г. «The Macquarie Dictionary», позволило решить задачу синхронного описания AuE на данном этапе. Однако до настоящего времени не решена фундаментальная проблема австралийской региональной лексикографии — описание целостной картины истории развития и современного состояния лексической системы AuE, тогда как эта необходимость назрела и созданы предпосылки и база для ее осуществления. Создание исторического словаря прежде всего предполагает предварительное теоретическое осмысление широкого круга вопросов: анализ языка — объекта лексикографического описания; разработка или выбор типа словаря, позволяющего с наибольшей полнотой и корректностью отразить особенности описываемой системы.

Исследование особенностей лексической системы AuE позволило выделить основные процессы, которые должны находиться в центре внимания лексикографов при разработке толкового исторического словаря AuE. Прежде всего это касается процессов образования и функционирования специфических австралийских значений лексических единиц. Адекватное описание австрализмов такого рода должно составить ядро австралийского толкового словаря на исторических принципах. Нетрадиционно значимое место в нем должно быть отведено терминологии. Особенности функционирования субстандартных лексических единиц в AuE требуют разработки соответствующих методов их отбора, а также корректной стилистической маркировки. Кроме того, среди задач австралийской региональной исторической лексикографии можно выделить следующие: показ путей и способов адаптации языка к новым условиям; установление соотношения в корпусе словаря общеанглийских единиц и австрализмов; определение узусных характеристик единиц AuE по сравнению с другими национально-региональными вариантами английского языка; выявление своеобразия социальной, территориальной и возрастной дифференциации лексических единиц; экспликация особенностей исторического развития и современного состояния лексической системы AuE; иллюстрация цитатным материалом положений словаря.

Рассмотрим один из них, с которого традиционно начинается практическая работа по составлению словаря — определение круга источников фактического и цитатного материала. Поскольку историческая лексикография отражает письменную форму бытования слова, исторический словарь может строиться исключительно на письменных памятниках. Для национальных языков с многовековой историей развития большую сложность представляет сама проблема поиска письменных документов определенной эпохи. Для региональной лексикографии такой сложности не существует, так как у национально-региональных вариантов не было дописменного периода развития. Однако при отборе источников имеются определенные трудности, которые кроются в особенностях развития национальной литературы и наличии определенного периода, характеризующегося лингвистической ориентацией на литературные образцы метрополии. Анализируя австралийскую литературу, А. С. Петриковская относит рождение национально-самобытной литературы к концу прошлого — началу нынешнего века. Литературные произведения, издававшиеся в Австралии до этого периода, были написаны на британском варианте английского языка и не могут служить источником для исторического словаря AuE.

Таким образом, в качестве письменных памятников — источников словника — должны использоваться литературные произведения, написанные в национальной австралийской традиции, под которой понимается не только использование определенного набора австрализмов, но и знание самой Австралии (образ жизни населения, обычаи, нравы и т. п.), что предопределяет знание особенностей функционирования лексических единиц в национально-специфическом контексте. В связи с тем, что литература ранних периодов развития AuE не может служить источником словаря, целесообразно привлекать при составлении картотеки данные исторических документов, частной и деловой переписки, мемуарной литературы, а также лексикографических изданий и трудов выдающихся политических деятелей. Круг источников должен быть достаточно широким, охватывать различные по жанрам памятники, делая картину языкового состояния AuE раннего периода объективной. Это тем более важно, что так называемый «колониальный период», как отмечает У. Рэмсон, характеризуется образованием основной массы австрализмов. Важным источником отбора лексики второй половины XIX в. является пропагандировавший «язык буша» журнал «Bulletin». Для последующих периодов принцип отбора источников вполне традиционен: в них должны быть представлены образцы речи всех слоев общества, всех территориальных разновидностей. Текстовый материал должен иметь различную функциональную направленность и жанровую природу.

Поступила в редколлегия 10.10.83.

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА № 258

Методологические и методические вопросы
изучения германских и романских языков

Редактор Л. Н. Авраменко

Художественный редактор В. Е. Петренко

Технический редактор Л. Т. Ена

Корректоры Л. А. Марченко, Е. В. Сергина

Н/К

Сдано в набор 09.04.84. Подп. в печать 28.07.84. БЦ 09247. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать. 8 печ. л. 8,25 кр.-отт. 9,3 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 1163. Зак. 4-646 Цена 1 р. 30 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Харьковская городская типография № 16, 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц Харьковской книжной фабрики имени М. В. Фрунзе в Харьковской городской типографии № 16, г. Харьков-3, ул. Университетская, 16. Зак. 1140.